

Дарья Гущина

ВЕДЬМИНА СИЛА

16+

Дарья Гущина

Ведьмина сила

Серия «Ведь мы – ведьмы!», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67162701

Ведьмина сила: SelfPub;

Аннотация

...Однажды стародавние ведьмы создали капище знаний для получения запретных умений.

Однажды ведьму по прозвищу Ехидна покалечили в битве за капище. А её последователи-отступники украли оттуда амулеты, закрывая для других ведьм вход в заповедное место.

Однажды Ехидна нашла девочку с даром для подпитки и «переезда» из своего тела и прокляла её. И затаилась, ожидая взросления нового тела. А девочка, став ученицей другой ведьмы-палача, поняла: у неё есть время и силы, чтобы найти Ехидну и убить. И освободиться.

...Однажды в сибирском городке близ древнего капища сошлись пути отступников, Ехидны и повзрослевшей девочки. Чтобы сразиться за свои цели. За себя.

Но всё ли в этой истории так просто? Всё ли то, чем кажется? И все ли те, кем кажутся?

Вторая книга цикла.

Содержание

Пролог	4
Часть 1	9
Глава 1	9
Глава 2	30
Глава 3	52
Глава 4	73
Глава 5	94
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Дарья Гущина

Ведьмина сила

Идите.

Ведь только когда человек в пути, у него есть надежда.

«Письма мёртвого человека»

Пролог

Верховная ведьма напряжённо ходила из угла в угол. Уже скоро... Девочку должны привезти уже очень скоро... Она остановилась у окна. На подоконнике цвели белые орхидеи, на улице шумел поздними машинами полночный город, а из тёмного стекла смотрела моложавая, уставшая женщина.

Высокий лоб в глубоких морщинах, нахмуренные брови, запавшие глаза, поджатые губы, чёрные с проседью волосы, выбивающиеся из строгого пучка. Не больше сорока, решит, посмотрев на Верховную, человек. Давно за сотню и уже *пора*, поймёт любая ведьма. И последнее важное дело она довести до конца не успеет. Успеет лишь *убедиться*... И уже скоро.

Шаги за дверью. Она оглянулась. Тихие, нерешительные... замершие на пороге. Верховная быстро поправила причёску, села за стол и включила настольную лампу. И чих-

нула аллергично. Проклятые орхидеи и чужой кабинет... Но – девочка могла взбрыкнуть, а отдавать на растерзание свой кабинет Верховной не улыбалось.

– Заходи, – велела она негромко.

За дверью завозились, и отчетливо послышалось отчаянное: «Не хочу, пусти!..» Ведьма усмехнулась, но быстро стала серьёзной.

– Инга, заходите, – повторила она негромко.

Дверь открылась, и в кабинет буквально впихнули девчонку лет тринадцати. Едва исполнилось. А взгляд взрослый. Понимающий. И тьма в крови – мощная... чужая.

– Извини, задержались, – Инга, высокая, худая, с воспалёнными глазами и ожогом на левой щеке, сжала дрожащие плечи своей подопечной.

А та едва не рычала. Рыжеватые волосы дыбом, в чёрных глазах... ненависть. Недетская, жгучая ненависть. Ко всему. К миру – за странную силу. К ведьмам – потому что не успели. И лично к Верховной – за то, что... позволила. Да, честно призналась себе старая ведьма, но ничем этого не выдала. *Позволила* свершиться древнему, страшному ритуалу.

– Как тебя зовут? – спросила она спокойно. – Маргаритой?

Девочка промолчала, только смотрела не мигая. Грязные джинсы, мятый свитер с разорванными рукавами. И ненависть.

– Покажи руки, – приказала Верховная. – *Покажи.*

Лохмотья рукавов разошлись как от дуновения ветра, и

на худеньких предплечьях обнаружили ожоги. Багровые, вспухшие отпечатками ладоней. Так, словно кто-то напал на девочку со спины и схватил за руки раскаленными перчатками. Верховная удовлетворённо улыбнулась. Получилось.

– Вы... – девочка сглотнула, и ненависть сменилась испугом, но лишь на секунду. – Вы знали!.. Вы заодно! – и дёрнулась, но Инга по-прежнему держала её за плечи мёртвой хваткой.

– Нет, – резко возразила Верховная, – не заодно, – и подалась вперёд, прошипев: – Я охочусь за Ехидной сотню лет, детка. Она убила людей – и ведьм, моих ведьм! – больше, чем ты можешь себе представить. Во время последней облавы, пять лет назад, эта тварь убила восемнадцать круговых ведьм. Самых сильных, самых лучших, опору Круга. А теперь всё, – и она откинулась на спинку кресла, повторив: – Всё! Больше она никого не убьёт. Побойтесь рисковать. Она заляжет на дно и будет ждать. Тебя.

Девочка вздрогнула.

– Да, тебя, – старая ведьма сложила пальцы домиком. – И теперь нам не нужно бегать за ней по всей стране. Когда ты подрастёшь и наберёшься сил, она сама придёт. К тебе. За тобой. Вернее, за твоим телом. По метке, – и посмотрела на ожоги. – А мы будем наготове.

– Только вы этого не увидите, – девочка смотрела зло и проницательно. – Вы умрёте. Завтра. В полдень. И за это, – и протянула руки, – заплатите. Там.

– Да, – Верховная устало кивнула. – Ты права. Во всём. Но я защищаю свой Круг, и это мне тоже зачтётся. *Там*. Пятьдесят сбережённых жизней стоит больше одной погубленной. К тому же, – и она встала, – ты не мертва. Ты жива, ты среди своих, и мы тебя не бросим.

– В нашем округе уже нет места для тёмной ведьмы, ни в Круге, ни на периферии. А Рита тёмная. Её придется отдать наблюдателям, – подала голос Инга.

– Не просто придётся. Она изначально принадлежала им и принадлежит сейчас. Правда, хорошую ведьму они воспитать не способны, но вот сберечь ценность – вполне. Они охотятся за Ехидной дольше нас и давно приготовили для неё хворост. Позже мы... договоримся. К тому же при Павле есть ведьма с такой же сферой силы, как у Риты, – тёмный целитель. Научат. Защитят. И лет через тридцать... – Верховная выдержала паузу и выдохнула: – Всё закончится, – и она вернулась к окну, рассеянно дотронулась до цветка орхидеи и сразу отпрянула, задохнувшись.

Девочка со злой иронией посмотрела на старую ведьму и опустила взгляд. Ну и зря. Зря хотят сберечь. Ехидна вернётся – Круг умрёт. Никто против неё не выстоит.

А может... и не зря. Может, заодно. Может, её *хотят* вернуть. И знаний хотят. Древних знаний, которыми Ехидна так хвалилась, когда...

Девочка угрюмо нахмурилась. Тридцать лет... Откуда такая цифра?... Дата взросления тела, ведь слабое не вместит

дух сильной ведьмы? Или дело в чём-то ещё?.. И много это или мало, когда на кону – собственная жизнь? И много. И мало. Но... Она непроизвольно обхватила ладонями предплечья и сморщилась от боли. Руки всегда будут болеть, пообещала Ехидна. Всегда. И чем она ближе – чем ближе время её возвращения, тем сильнее боль. Но она не сдалась без борьбы сегодня, не сдастся и потом.

А все, кто против... сами виноваты. Тёмных ведьм, выбирающих сферой силы жизнь и целительство, в простонародье не зря называют палачами. И пусть этот путь привит насильно. Пускай. Мама учила верить в себя и цепляться за любую возможность. И не останавливаться. Никогда не останавливаться и не сдаваться. И идти к цели, несмотря ни на что.

Тридцать лет, значит?.. Тридцать лет... Дорости, выучиться, набраться опыта... дожить.

Дожить, чтобы выжить.

Часть 1

Предвестники

Глава 1

*Тут дурные бабы в селе толкуют, что Вы, пани
Солоха, некоторым образом – ведьма...
Н. В. Гоголь «Вечера на хуторе близ Диканьки»*

Я вышла на балкон, оставив открытой дверь, и следом за мной на весеннюю улицу вырвались клубы вонючего зеленоватого дыма. Да, зелье вредное... во всех смыслах этого слова. Но необходимое. И именно для сегодняшнего мероприятия.

Едкий дым оплел студенистыми щупальцами балконные перила, завонял тухлыми яйцами. Рядом сразу же захлопали двери.

– Это ж сколько будет продолжаться-то, а?.. Это же жить невозможно!.. С утра же с самого!.. – заголосила соседка слева, наспех завязывая халат. – Маргарита Вла...

– Мара, – меланхолично поправила я, отмахиваясь и от дыма, и от соседки. – Сколько нужно.

– Послушайте, вы, так сказать, ведьма!.. – перехватил эстафету старичок справа. – Вы нарушаете общественный по-

рядок! Милицию вызову!

– Проклянуну, – пообещала привычно.

Как не раз замечал мой начальник, миром правят предрассудки и деньги. И первое, то бишь предрассудки, были моим основным оружием против людей. Одно «проклянуну» из уст тёмной ведьмы затыкало рты недовольным лучше мешка баксов. И, кстати, исключало дальнейшие варианты шантажа и провокаций.

Соседи, разумеется, сочли за лучшее промолчать, только засопели в унисон, гневно и недовольно. А дым потемнел, сгустился и повис на перилах рваной тряпкой.

– Что это за дрянь, а? – старичок поправил очки и брезгливо поджал губы.

– Вы же не спрашиваете об этом, Валерий Дмитриевич, когда приползаете за мазью от суставов, – я потёрла руки и начала осторожно отдирать студенистую «тряпку» от перил, подтягивая её к себе и скручивая в рулон.

Сосед нервно закурил. Соседка засопела ещё недовольнее, бдительно наблюдая за каждым моим движением, одной рукой крестясь, а вторую, сложив пальцы в кукиш, спрятав за спину. Я усмехнулась про себя. Да, предрассудки – наше ведьмовское всё... А они ведь даже не знают, *насколько* я ведьма. Хочешь спрятать вещь – положи на видное место. Хочешь спрятать истинную суть и силу – выстави её напоказ. Всё равно не поверят. В реальность настоящей магии – не поверят.

Я скатала свой «студень» и ласково улыбнулась соседям: – Валерий Дмитриевич, ещё одна сигарета – и вызывайте скорую, давление подскочит под двести. Марина Станиславовна, позвоните дочке, ей скоро рожать. И не пейте за здоровье малыша... водку точно не пейте. У вас же печень. А больше сегодня сюрпризов не будет. Доброго дня, – и степенно удалилась.

А беспечный майский ветер уже разгонял тухлую вонь, и снова одуряюще запахло цветущими вокруг дома яблонями и черемухой. Оставив дверь на балкон открытой, я подобрала юбку, опустилась на колени в углу комнаты и раскатала тёмно-зелёный «коврик» по полу. Сто раз готовила, а никак нужный момент поймать не могу – «убегает», мерзость... Достала иглу и быстро написала на «пластилиновой» поверхности сдерживающее заклятье. Одно хорошо – на воздухе «остывает» быстро, да и от создательницы далеко не удрать.

Встав, я отступила и критически осмотрела угол, тёмно-зелёный от «коврового покрытия» с пола до потолка и исписанный заклятьями. Перечитав и перепроверив, я улыбнулась, убрала иглу на место и отправилась на кухню. Та тоже была зелёной с пола до потолка, вернее, белой в зелёную крапинку. Да, гости требуют подготовки... Подготовка закончена. Осталось притащить «гостя».

С минуту я рассматривала грязную плиту и размышляла – сейчас убраться или после «гостей», но всё решил случай.

Зазвонил сотовый, и я выбрала «гостей». Коллега без дела звонил редко, значит, надо в больницу. А «гость» как раз рядом с ней прячется.

– Слушаю.

– Мар, привет, – голос у Стёпы был такой жизнерадостный и весёлый, что сразу понималось – дело дрянь. – Занята?

– Не особо, – я насторожилась. – А что случилось?

– Баба Зина! – торжественно изрёк он.

Я раздражённо фыркнула. Стёпа засмеялся:

– Давай, ведьма, спасай нас, несчастных. Она уже достала и терапевта, и кардиолога, и психолога, и теперь требует подать ей патологоанатома. А Анатолий Михайлович, представь себе, очкует и отказывается покидать любимый морг.

– Зачем ей патологоанатом? – я вздрогнула. Этот человек вызывал не слишком приятные воспоминания о «крещении» больничной работой.

– Напомнить, что по закону никто не имеет права изымать органы умершего без подписанного ею или её родственниками разрешения. И она с того света вернется, если узнает, что кто-нибудь продал «чёрным» трансплантологам хоть кусочек её бесценной печёнки.

Я хмыкнула.

– Весело тебе? И нам весело, да. Приходи, вместе развлечёмся.

– Уже.

До больницы – четыре дома, но баба Зина... Я быстро пе-

реоделась в длинное чёрное платье. Баба Зина – местная достопримечательность и очень подозрительная для меня как для ведьмы личность. Ей давно и серьезно за восемьдесят, а она неприлично здорова. И даже медицина в её случае была бессильна. Бабку не брало ни одно лекарство, а от слоновьей дозы снотворного она только зевала и с утроенной силой жаловалась на «ой, чой-то в боку-то колет...» И требовала ведьму. В современную медицину она давно не верила, зато в собранные на закате травки, к облегчению больничного персонала, – вполне.

Обувшись, я надела плащ, прихватила сумку, закрыла квартиру и отправилась в больницу. Медленно и величаво, ибо я тоже местная достопримечательность, а тёмной ведьме не к лицу нестись сломя голову.

Цокая каблуками, я проходила под цветущими яблонями и обдумывала план действий. Без антуража и ритуалов бабку не пронять, а если не пронять, то она застрянет в больнице с её извечным «ой, чой-то...» на несколько дней, персонал сляжет с истерикой, работа встанет... И с антуражем и ритуалом работа тоже встанет, да, но по другой причине – народ сбежится поржать за моей спиной. Но – что поделать, роль. И маскировка.

Охранник встретил меня стоя и нервно.

– Маруся... – и чуть не прослезился.

А со второго этажа неслось привычное и громкое: «Ой, умираю, милок, ой, Христом-Богом прошу, спаси! Ой, где

ведунья-то наша?.. Ой...»

– А подать сюда Ляпкина-Тяпкина... – я вздохнула, собираясь с духом для представления. – Добрый день, Николай Васильевич. Что, желудок прихватило? Это от нервов, ничего серьёзного.

– Маруся... – повторил он с облегчением, дежурно выдал халат с бахилами и перекрестил меня.

Будто это поможет... Беса из мира живых изгнать проще, чем бабу Зину из больницы, когда ее настигло внезапное «Ой...»

Поднявшись по лестнице на второй этаж, я скрылась в Стёпкином кабинете, распахнула шкаф и вытащила «антутражную» коробку. Из-под чьих-то туфель, но у меня там хранились килограммы бижутерии и косметика. Цирк...

В дверь предупредительно стукнули.

– Заходи, – я накрасила правый глаз. Поярче и пострашнее.

Ахи-охи стали громче и сменились замогильным завыванием. И так – сутки напролет, и даже мне не всегда удавалось быстро их унять... Стёпа просочился в кабинет и плотно закрыл дверь. Не помогло. Казалось, баба Зина стонет из каждой щели.

– Всё, Мар, – он привалился плечом к косяку, – мы деморализованы, обескровлены, обессилены, раздавлены... Твой выход.

– Угу, – я взялась за второй глаз.

В коридоре громко хлопнула дверь, баба Зина завопила благим матом «ой, умираю-у-у, спаситя-а-а!..», и мимо нас с истеричным рёвом пронеслась медсестричка. Стёпа, махровый атеист, чуть не перекрестился.

– Слушай, а не вселился ли в неё кто, а? – спросил он встревоженно. – Может, отцу Фёдору позвонить?.. Только ему до нас пилить из своей деревни, но а вдруг...

– Не надо, – я закончила со «штукатуркой» и зарылась в коробку, звеня кольцами и браслетами. – Нет у неё никакого «авдруга», только острый недостаток внимания и общения. Она здоровее всего больничного персонала вместе взятого. Ты кому больше веришь – мне, своему врачебному опыту или бабе Зине?

– Сложный вопрос, – признал коллега.

– А если ты снова заржёшь в самый ответственный момент, я больше никогда сюда не приду, даже из уважения к тебе.

Стёпа, взрослый тридцатидвухлетний мужчина с двумя высшими образованиями и солидным «хирургическим» стажем, расплылся в довольной детской ухмылке. Взъерошенные светлые волосы, мелкая серьга-кольцо в левом ухе, смешливые зеленовато-карие глаза, джинсы и очень популярная в городе майка. С чёрного фона из-под белого халата душевно улыбался маньяк с бензопилой, а кровавая надпись над и под «фото» гласила: «Заболели? Тогда я иду к вам!» Шпана. Но руки золотые. И если человек хочет в свободное

от работы время быть несерьёзным – это его право.

– Стёп, проклянц.

– Ты не для этого меня от машины отскребала и собирала по кускам, – он нагло улыбнулся.

Да, было дело. Так и познакомились. На ночной улице. Он, обалдевший от того, что, расплющив машину (и себя) о забор, отделался парой синяков, и я, ошалевшая от того, что мне впервые удалось исцелить кого-то сходу, качественно, быстро и не калеча предварительно. Обычно моё тёмное целительство работало только на «уборку» за собой, но когда от страха отключается мозг, порой случаются чудеса. И только Стёпка один и знал, что я – не просто городской экстрасенс.

Баба Зина, предчувствуя ведьму, перешла на ультразвук. Я распустила волосы, глянула недовольно в зеркало, вдохнула-выдохнула и доблестно отправилась в палату бабки спасать коллег. Стёпа не отставал.

– Как же вы без меня-то справлялись?.. – пробормотала я, ежась.

– Годовым запасом успокоительных, – отозвался он. – Пару дней баба Зина голосила, а мы – истребляли транквилизаторы. Их Валя даже закупать больше стала. А потом бабка нас посылала, садилась на велик и укатывала под свою «Катюшу»...

– ...до следующего «ой», – я остановилась у палаты. – Ладно, благословляй.

Но коллега лишь икнул от смеха и открыл дверь. Я мужественно переступила порог и ласково улыбнулась своей пациентке. Баба Зина, держащая в страхе не только больничный персонал, но и всю непутёвую городскую молодёжь, была маленькой и худенькой. Короткие светло-сиреневые волосы мелким «барашком» от «химки», морщинистое лицо, опухшее от слёз, выцветшие глаза... внимательные.

Ох, и непросты вы, баба Зина, и дайте срок...

– Милочка... – всхлипнула она, и её подбородок задрожал. – Деточка, помираю...

Стёпа, стоявший в дверном проёме, поспешно отвернулся и снова икнул.

– Ничего подобного, – я присела на край койки. – Вы, баб Зин, ещё нас переживёте.

Одной же бабкиной «бесценной печёнке» всего-то лет тридцать... И сначала я решила, что она – ведьма, такая же, как я, да силы в ней не было ни капли. Ни остаточной, ни... вообще. И я с этим феноменом разберусь. Либо она грамотно притворяется, либо... она предвестник. Один из.

– Но в боку-то ж знаешь, как...

– ...ой, – шёпотом подсказал Стёпа. Почти серьёзно.

Баба Зина наградила его надменным взглядом.

– Дайте-ка посмотрю... Вы не волнуйтесь, расслабьтесь. Это может быть просто камушек...

– ...в почках? – вместо того чтобы лечь, она резво села.

– Лунный, – поправила я, хмуро изучая слишком молодой

для старухи организм. И напредила: – Я же вам советовала носить лунный камень. Почему сняли?

– Так... мылась, – баба Зина смущённо затеребила простыню.

– Тогда зелье для улучшения памяти посоветую.

– А...

– И от нервов.

– Но...

– И для иммунитета. Весна, простуды, – я полезла в сумку. Баба Зина глянула застенчиво:

– И всё?

– Вы *абсолютно* здоровы, – я достала из сумки три склянки. – По две капли в чай, утром, днем и вечером. На крышках подписано.

Ненормальная пациентка бодро соскочила с койки. Одёрнула безразмерную футболку, подтянула спортивные штаны и рассовала зелья по карманам.

– Душевная ты ведьма, милочка, – заметила она весело и взяла с тумбочки очки, которые явно носила для полноты образа. Зрение у неё стопроцентное. – Даром что чёрной прикидываешься. Вот поговоришь с тобой – и словно заново родишься! И ничегошеньки-то и не болит уже!

Подхватила со стула ветровку и глянула на Стёпу снизу вверх, да так внушительно, что коллега едва не присел.

– Учись, мальчик. Учись с пациентами работать. Улыбка, добрые глаза, спокойный голос... А вы со своими иголками

да ядами... нелюди! Кыш!

Он отступил, освобождая выход, и посмотрел на меня разочарованно. Я, кстати, тоже слегка расстроилась. Столько приготовлений, а кончилось всё неожиданно быстро и без шоу.

Баба Зина ускакала, напевая «Катюшу», и палата разом опустела. А больница показалась очень, очень тихой. Вымершей. Я выдохнула и начала «разоружаться», снимая килограммы бижутерии.

– Кажется, реально ушла... – Стёпа выглянул в коридор и прислушался. – И как ты её в этот раз быстро...

– Да поди придуриваться надоело, – я сложила в шаль браслеты и кольца.

– А ты уверена, что ничего...

– Да, – я завязала украшения в узел. – Уверена. Ничего. Как два месяца назад, так и сейчас. Не переживай за свою квалификацию. Если у бабы Зины что-то и не в порядке, так это голова, – хотя и мозг, и психика тоже в норме. В ненормальной норме.

...а два месяца назад Стёпа позвонил и смущённо спросил, не могу ли я кое-что, вернее кое-кого, проверить. Уж больно случай странный. Анализы и обследования показывают одно, а пациент твердит об обратном, да так яро, что уже успокоительные на исходе. С тех пор и проверяю.

– Ну, ладно, – коллега наконец расслабился. – Что теперь должен? Опять ничего?

– Нет, – я встала и прислушалась. За окном шелестела листва, чирикали пичуги и сипло мяукали. – Зверьё поймать поможешь? В парке, говорят, видели.

– Кота? – он удивился. – Зачем?

– Для страшных ритуалов, – я таинственно улыбнулась и сделала большие глаза.

– Умойся, – последовал весёлый совет, – выглядишь кошмарно. Давай минут через десять на крыльце. Людей успокою, – и тоже ускакал радостно.

– Одеяло найти какое-нибудь! – крикнула вслед.

Я вернулась в его кабинет, смыла «боевой раскрас» и собрала волосы в пучок, сдала охраннику халат с бахилами, вручив очередную склянку с зельем «от нервов», и вышла в парк. Прислушалась к тихому мяуканью и снова ощутила то же, что и вчера вечером. Незваных гостей из другого мира. Нечисть. Тёмная сила расходилась по больничному парку, как круги от брошенного в воду камня. Коллеги говорили, что некий кот тут бродит со вчерашнего дня, но раз не нападает, значит слаб после перемещения или ранен. И я рискнула оставить его здесь на ночь, чтобы подготовить «угол». И надо бы снова проверить город. Как только допрошу «гостя».

Сев на скамейку у крыльца, я вытянула ноги, вдохнула аромат цветущих яблонь и тоже расслабилась, ожидая. В одиночку нечисть изловить трудно – нужна приманка, да и парк огромен. Прежде здесь был больничный комплекс из десяти корпусов во главе с исследовательским институтом,

а теперь работали лишь два корпуса – хирургия и роддом. А пустые корпуса ветшали, непригодные даже для аренды. И ненужные, как и половина пустующего города.

Я вздохнула. Лезть в эту пустующую половину не хотелось, а придётся. Нечисть слаба первые дней десять, пока привыкает к новому миру. А потом или обретает прежнюю силу и новое тело, или подселается к человеку. И с последними сложнее – трудно не навредить при изгнании. И отцу Фёдору надо позвонить, пусть внимательнее по сторонам смотрит, заклинатель всё-таки, не только священник. И если случай появления нечисти единичный, значит, рано, а если нет... то время приходит.

Я мысленно прикинула объём работы.

Городок, построенный переселенцами при царской власти, с одной стороны окружённый сибирской тайгой, с другой – вересковыми холмами, состоял двух заселённых районов и двух пустующих. В простонародье он назывался Кладбищенским, чем местные жители весьма гордились. Ибо кладбищ разной степени свежести здесь насчитывалось штук двадцать: два старинных – в центре города, остальные – за его чертой. Плюс деревенские погосты. Плюс так называемая Долина смерти – древние курганы в вересковых холмах. И переселенцы в тайге выживали сложно, и Транссиб проложили далеко от города, и ГУЛАГ, основанный при советской власти вместе с нефтяным месторождением, своего добавил. А когда месторождение (и власть) иссякло, многие разбежа-

лись по столицам, бросив жильё.

Два пустующих района... И ладно бы *совсем* пустующих.

Предприимчивая местная молодёжь, начитавшись «Сталкеров» и насмотревшись ужасов, в одном устроила «Зону» с ловушками, а во втором – аттракцион «Зомби-апокалипсис». Оба засветились в интернете и пользовались популярностью у ненормальных туристов. А сейчас же весна. Крыши у людей летят, туристы к нам – тоже, и аттракционы – во всеоружии. Опасно. Я – далеко не «молодёжь», чтобы от разукрашенных идиотов бегать да по «кислотным» лужам прыгать... Но придётся. Нечисть тянется к местам боли, смерти или заброшенности. А вокруг этих районов – кладбища ГУЛАГа. Три в одном. Сначала, конечно, кристаллом проверю, но чутьё подсказывает, что в кварталы надо.

Скрипнула дверь, и на крыльцо вышел Стёпа, довольный жизнью и удачным днём. С клетчатым одеялом под мышкой и без привычного халата. По загорелым предплечьям из-под рукавов майки сползали чёрные иглы татуировок. Типичный столичный хмырь, только без понтов. А за что его полгода назад «сослали» в Сибирь, он не признался даже под знаменитой пыткой спиртом в морге патологоанатома.

– Ну? – коллега вразвалочку спустился с крыльца. – Не передумала?

– Нет, – я встала со скамейки, перекинула через плечо сумку и прислушалась к ощущениям. Нечисть, почуяв мою тьму, где-то затаилась. – Отойдём подальше.

– Вряд ли поймаем, – засомневался Стёпа. – Кота уже давно подманить пытаются. И девчонки с поста молоко приносили, и Анатоль Михалыч – колбасу... или остатки пациента. Наверно, пациента. Несвежего и замороженного, раз кот проигнорировал.

К медицинскому юмору я точно никогда не привыкну – даже после встречи с незабвенным Анатолем Михалычем. Когда после пары рюмок спирта просыпаешься нагишом под простыней – хотя ведьм алкоголь не берёт, – в полной темноте, страшном холоде и с каруселью в голове... Давно я так не орала. А патологоанатом... Как он, прости господи, ухмылялся паскудно... Не знаю, почему не убила. Растерялась. Рванула прочь, одной рукой кутаясь в простыню, второй – расправляя её внизу, чтобы побыстрее удрать. И прямо на выходе напоролась на толпу ржущих коллег.

– О, так Анатоль Михалыч уже успел тебя обесчестить? – Стёпа хохотал в первом ряду. – А с виду такая неприступная!

– Неприступных женщин не бывает, – солидно заметил патологоанатом, поглаживая седую «козлиную» бородку. – Бывают некачественный спирт и недостаток терпения.

Давно я так не краснела, хотя точно знала, что с личной жизнью обошлось... Молча ретировалась и долго уговаривала себя не мстить и даже не смотреть в сторону шутника. Чтобы не убить случайно. От злости. Роль есть роль. Светиться пока рано.

– Ничего, выманит... – я рассеянно огляделась.

Мы дошли до самой дальней и запущенной части парка, где и затаилась нечисть. Полуразрушенный корпус, зияющий пустыми окнами, пушистый травяной ковер, первые одуванчики, старые плакучие берёзы.

Я выбрала небольшую поляну и достала из сумки зелье. Коллега наблюдал за мной с нездоровым любопытством. К несчастью, он оказался сдвинутым на магии и вцепился в меня, как бульдог. И память бы ему почистить, как положено, но я плохой целитель и боялась повредить мозг. Да и рехнулась бы тут от скуки в ожидании... предвестников.

– А что ты делаешь?

– Ловушку готовлю, – я прокапала землю зельем по кругу, – а ты будешь «сыром». Встань вот сюда, в центр.

– Но...

– Вставай, – я села на колени. – Ты же хотел поучаствовать в ведьмовском ритуале? Другой возможности не дам. Не бойся, круг защитит.

– От кого? – Стёпа послушно встал в центр.

– Увидишь. Или не увидишь. Как повезёт. Или как не повезёт... Одеяло приготовь.

Он послушно распахнул одеяло. Я прошептала заклятье, и круг вспыхнул жёлтым, по линии прошла вязь символов. Я напряглась. Ажно целый бес... раненый. Слепой. Поймаю.

Достав из сумки вторую склянку, я откупорила её и плеснула содержимое на одеяло.

– Это что, кровь?

– Да. Моя. А теперь молчи. И смотри в оба.

А я заговорила. Бесов язык – сухой, шуршащий осенней травой, горький и неприятный. И кот вышел. Крупный, толстый, дымчато-седой, а глаза жёлтые, пустые. «Зверь» втянул носом воздух и, прихрамывая, пошёл наугад. Кровь живой ведьмы – лучшая приманка: она и у здоровой нечисти отключает мозг, а уж если кто-то говорит на твоём языке и *обещает...*

– Стёп, готовься.

«Кот» прыгнул, и я движением руки стёрла часть круга, чтобы вновь плеснуть зелье, запирая беса в ловушке, едва он вцепился в одеяло. Вместе с коллегой, который справился со своими обязанностями блестяще – ловко поймал и спеленал «животное», как куклу.

– Всё, отдай, – я шагнула в круг и забрала рычащий сверток, погладила беса по боку, усыпляя. – Молодец. Спасибо.

– Мар, – Стёпа глянул на меня искоса и нерешительно спросил: – Мне показалось, или у него было три хвоста?..

– Нет, не показалось, – я баюкала дрожащий свёрток. – Это нечисть. Но неопасная и...

И, перебив меня, парковую тишину взорвала резкая рок-н-рольная трель.

– Да? – коллега достал сотовый. – Кого? Что сделал? Иду, – отключился, убрал телефон в карман джинсов и пояснил: – Очередного сталкера привезли. Допрыгался и распол где-то ногу и левый бок. Теперь орёт про собаку с крас-

ными глазами и двумя хвостами. Пойду што... – и запнулся. Посмотрел на притихший сверток с нечистью и сразу сделал нужные выводы: – Пойдёшь, да? Я с тобой. У меня как раз завтра выходной и...

– Исключено, – я устремилась прочь из больничного парка.

– Мар!.. Ты бывала в старых кварталах? – и предъявил главный козырь: – А я там каждый куст знаю, – и добил джокером: – и со сталкером поговорю. Живо расскажет, где именно видел собаку.

– Позвони завтра, как проспишься, – сдалась я. – Обговорим.

– Но...

Я остановилась у ворот, обхватила взбрыкнувший свёрток и примирительно улыбнулась:

– Уже вечер, и у нас есть свои дела. Ночью я в незнакомое место не пойду, даже если там нет никакой нечисти. А у тебя работы будет до утра.

– Предсказываешь будущее или каркаешь? – коллега тоже улыбнулся.

– Размышляю.

Снова зазвонил телефон. Стёпа сбросил вызов, наклонился, чмокнул меня в щёку «за бабу Зину» и побежал штопать несчастного. А я прислушалась к ощущениям. Будущее я умела предсказывать только по человеческой анатомии... и далёким вспышкам боли. Скоро привезут ещё пару при-

дурков со сложными случаями, а это работы до пяти утра, и пока он всё закончит, пока до дома доберётся и выспится...

Поглаживая сверток с «котом» по боку и мурлыча тихую колыбельную на бесовском, я поспешила домой. Отнесу нечисть в ловушку и вернусь, нужно стереть следы ритуала. Весна, и коллеги начинают выползать в парк – налаживать личную жизнь в его укромных уголках. Все, конечно, давно друг про друга всё знают, но продолжают романтично прятаться в старых корпусах от любопытных глаз.

И, кстати, о птичках...

Я свернула в подворотню, замедлила шаг и прислушалась. Минута тишины – и в ушах гулким эхом отдалось суматошное биение чужого сердца. Рядом. Волнуется. Боится. Но наблюдает. Юное сердечко так и колотится... и от чужого взгляда пульсирует затылок. Я обернулась через плечо, но парень, сунувшийся за мной в подворотню, исчез. И отдалённое эхо ускорившегося сердцебиения донеслось с крыши.

Этого ещё не хватало...

Заметать следы поздновато, да и нечисть очнётся, учуяв колдовство, и я продолжила путь. Хмуро смотрела перед собой и гадала. Кто следит? Начальство бдит или?.. Будто мне забот мало...

Дома по-прежнему слабо пахло тухлыми яйцами. Я разулась, развернула свёрток и уложила спящего «кота» в «гостевой» угол. Достала иглу, дописала на стенах заклятья, и от пола до потолка протянулись зелёные прутья. И никуда не

денешься... Комок шерсти с тремя хвостами шевельнулся, вытягиваясь, и тихо всхрапнул. Повезло. Ещё пару дней на воле – и он обзавелся бы собственным телом, набрался у людей силы... И тогда изгнать беса сможет только Круг ведьм во главе с Верховной. А в нынешнем состоянии... договоримся.

Я сняла плащ, положила на диван сумку и снова вышла на балкон. Опёрлась на перила и призадумалась. Бес и баба Зина – предвестники ли? Городок построен в аномальной магической зоне – рядом с древним капищем стародавних ведьм, и раз в сто пятьдесят лет здесь случался резкий выплеск скрытой силы. А до него происходило всякое. И пляски смерти на старых кладбищах, и мини-зомби-апокалипсис, и нечисть из мира мёртвых без призывов просачивалась, и люди на Луну «улетали» или устраивали грандиозные побоища на пустом месте, и...

Да, древняя магия влияла на живое и мёртвое по-разному, и баба Зина может быть предвестником, если выплеск уже начался, – напитавшимся силой изменённым организмом. Или – замаскированной ведьмой, ведь не я одна здесь прячусь, имея скрытые дела... Я невольно обхватила ладонями горящие предплечья. Старые ожоги были такими чувствительными, словно мой кошмар находился в соседней комнате – в ожидании колдовского выплеска и его живительной волшбы, и такими болезненными...

Вернувшись в комнату, я открыла старый дорожный сун-

дук. Что ж. Пока бес спит, поищем. И мой давний кошмар, и новую нечисть. И если её много, значит... время приходит. И Ехидна или уже в городе, или вот-вот нагрянет, чтобы забрать своё. Меня.

Но я не сдалась без борьбы *тогда*, и теперь сдаваться не собираюсь.

Глава 2

По традиции можно было задать демону только три вопроса, и ни одним больше.

– Что вообще за чертовщина происходит? – подбирая каждое слово, промолвила матушка.

– И только посмей извернуться, тут же вскипячу, прямо в этом котле.

Терри Пратчетт «Вещи сестрички»

Я сжала в кулаке кристалл и нарисовала на карте крестик. Четвёртый.

Несколько часов назад в городе находился лишь один «кот», а сейчас – уже четверо пришлых. Местную нечисть я в расчёт не брала, зная, где она обитает и чем отличается от «гостей», – энергетикой жизни, а не смерти. И последнее, где появится нечисть с патентом от Круга ведьм и правом находиться среди людей, это три вышеупомянутых опасных места. Пропитаются чужой болью, начнут излучать мёртвую силу – и никаким патентом потом не докажешь, что случайно. К тому же...

Подняв голову, я прислушалась. Шаги на лестничной площадке. Сердце очень спокойное, пульс тридцать. Нечисть. И – осторожный звонок в дверь. А ещё последнее, где появится нечисть, – это дом незнакомой ведьмы. Видать, совсем дело плохо, раз принесла нелёгкая, да на ночь глядя...

Я оправила платье и пошла открывать дверь. С первым же щелчком замка пульс незваного гостя резко подскочил до пятидесяти. Молодёжь...

– Добрый вечер, – на площадке обнаружилась девчонка лет шестнадцати. Высокая, шуплая и черноволосая, глаза жёлтые, настороженные. – Ты – ведьма? – уточнила хриплым мужским басом. – Разговор есть. Важный.

– Добрый. Допустим, ведьма, – я шире открыла дверь. – Заходи, коль не боишься.

Не побоялась. Зашла. И мы уставились друг на друга, как два раскрывшихся шпиона, изучая внешние особенности и вычисляя слабые места. На её кроссовках и джинсах – мелкий белый песок. «Скорпион». Высокая, пропорции тела правильные – значит, не такая уж молодёжь, лет под семьдесят. Молодая нечисть любой «нации» кряжистая, с непропорционально длинными руками, а раз гостя давно «обзавелась» дополнительными позвонками, «вытянула» себя и почти не отличается от людей... Опасная.

– Хвост подбери и не сори песком, я только что прибралась, – я первой нарушила внимательное молчание. – И проходи на кухню.

– Ты настоящая, – она последовала за мной. – Только... неправильная. Почему? – а жёлтые глаза шурились и спрашивали: можно ли тебе доверять?..

– В чём неправильная? – я включила чайник.

«Скорпиошка» втянула носом воздух, нахмурилась и

неуверенно произнесла:

– Запах... двоится. И разнится. Беременна?

Любопытная догадка...

– Допустим, – повторила я.

Нечисть расслабилась и кивнула, принимая ответ. Однозадачная, как и большинство её сородичей. Пока не решит одну проблему, не перейдёт ко второй, даже если вторая гораздо важнее первой.

– Тоона, – представилась гостя. – Для людей – Таисия, – и деловито: – Нечисти много пришло, чувствуешь? Чья ты, ведьма?

– Мара, – я поставила перед ней чашку с чаем и села напротив. – Да, знаю. В городе пятеро. За городской чертой ещё не смотрела.

– Там восемь, – Тоона проигнорировала чай. – И ещё будут. Ткань мира трещит. Нужны ведьмы и заклинатели. Выплеск скоро, – и повторила грубовато: – Чья ты? На помощь позвать сможешь?

– Смогу, но пока воздержусь, – я подула на правую ладонь и предъявила печать. Линии сплелись в открытый глаз.

– Наблюдательская... – по традиционному носатому «скорпионьему» лицу расплылось разочарование. – И не боевая... Только свои дела – и плевать на город... И нечисть держишь, – снова принялась с подозрением. – Это против правил.

– Сколько в глазе зрачков? – я улыбнулась. – Семь, да,

высшая ступень. Таким, как я, можно всё, – добавила с налётом. Почти начальство.

Но нечисть не была бы нечистью, если бы не ответила гадостью:

– Тёмная, исцеляющая, – жёлтые глаза подёрнулись зеркальной плёнкой, посмотрели насмешливо и с вызовом. – Закабаленная, да? Палачи со времён инквизиции своих же ловили, пытали и жгли, лишь бы род сохранить. А когда инквизиторы наблюдателями обозвались и законы ведьмам прописали, вы уйти не смогли. Предали своих. Так и остались при наблюдателях ра... – и запнулась под моим взглядом.

Нет, вряд ли семьдесят. Едва ли полтинник. И ни потомства, ни пары... ни развитого инстинкта самосохранения.

– Да, я здесь по своим делам, – согласилась я спокойно. – Но тебе волноваться не о чем. О выплеске известно всему магическому миру, и помощь подоспеет в своё время. Людей на произвол судьбы мы не бросали никогда. И я от своей ведьмовской клятвы не откажусь. Если у тебя есть предложения, выкладывай. А хочешь проупражняться в оскорблениях – проваливай. Я терплю *пока*, потому что знаю вашу породу. Но выйдешь за рамки...

Тоона съёжилась и опять принялась:

– С огнём играешь... – заметила глухо. – Беса держишь...

– Он *мой*, – я посмотрела на неё в упор. – Забудь. И давай ближе к делу.

– Я здесь *старшая*, – «скорпиошка» выпрямилась и расправила узкие плечи. – Нас мало, а места силы – не для нечисти. Только самых стойких подпустили. И безопасных для людей, если... Я над ними *старшая*. Почему здесь нет других ведьм? Почему нет городской?

Я вздохнула про себя. Никогда не могла понять ход мысли нечисти... Скачут вокруг да около обезумевшим зайцем...

– Потому что рядом с капищем ведьмы сходят с ума от избытка силы, – объяснила терпеливо. – Городской нет, но есть проверяющие, и они в курсе всего. Как и наблюдатели.

Тоона нахмурилась:

– Чужаки – мелочь. Кроме одного – того, что в старых кварталах. Там, где аттракцион с «зомби». Я была там недавно... Испугалась. Красные глаза, – и повторила выразительно: – *Красные*. Кто, как думаешь?

Жёлтые и зелёные «зеркала» глаз без белка и с нитью зрачка – высшая нечисть, синие и чёрные – средняя, а у низшей мелочи глаза как у людей. А о красных я лишь читала. В сказках двухсотлетней давности.

– Это моя забота, – я отставила пустую чашку. – С мелочью поможешь? Хорошо. Изловишь – и вези к отцу Фёдору. Знакомы? Чудно. А что за городской чертой – те, восемь?

– Не проверяла, – она покачала головой. – Одна не рискну, вдруг бес... – и покосилась на стену, за которой спал в ловушке вышеупомянутый персонаж. – Сходишь со мной? Трое – в вересковых холмах, но туда без меня. Оттуда пой-

дёт выплеск, силы перебор...

– А когда он случится? Точно? – спросила я буднично, а внутри напряглась. Нечисть такое чувствует лучше любой ведьмы.

– Бабка говорила, у начала нет конкретного времени, – «скорпиошка» пожала плечами. – И даты точной нет. Колодец наполняется, когда вокруг много воды. И тогда она льётся через край. Сейчас силы *очень* много. Предвестники появляются за тринадцать дней до. Слышала?

Я кивнула. Отсчёт пошел... И посмотрела на часы. Тоона сразу засобиравалась. Встала, застегнула модно драную джинсовую куртку и беспокойно дёрнула песочным хвостом.

– Когда за город? Завтра утром?

– Нет, завтра – красноглазый, – я качнула головой. – Если нечисть проберётся в город, дай знать, а пока они сидят в лесах... три-четыре дня в запасе у нас есть. Я тебя найду.

– Позови заклинателей, – попросила она тихо. – Делай свои дела, я сама с ними вопросы решу. Хоть одного позови, – и, проглотив гордость, добавила сипло: – прошу. Город – *моя территория*.

– Я из другого ведомства, а заклинатели – сами по себе. Но напишу начальнику, пусть договаривается.

– Спасибо, – и Тоона ушла не прощаясь.

Я закрыла дверь, проверила спящего беса и вернулась на кухню. Нетронутый чай, два часа ночи, одиночество во тьме... Самое время написать любимому мужчине и сказать, что он очень мне нужен. Вернее, его информационные связи.

И пусть мы не виделись чёрте сколько, сейчас не до сантиментов. В сложное время раз расклеишься – и расползёшься лужицей, не собрать... Так, красноглазая нечисть...

Достав из сумки планшет, я набросала письмо. Он точно не спит и сидит в наблюдательских базах данных... Сигнал ответа тренькнул через пять минут, едва я выпила остывший чай. И раз он обошёлся без привычного «хоть бы сказала, что скучаешь», значит, начальство загрузило. А скучать мне некогда... разве что немного. Сколько я уже в этой «командировке»? Лет пять. Почти привыкла. Редкие рваные встречи с семьёй, короткие поздние звонки и столь же редкая переписка. И осталось «командировке» меньше тринадцати дней, и только бы дожить... Написав в ответ кроме «спасибо» столь любимое им «скучаю», получила смайлик с сомневающейся мордашкой и улыбнулась. Да, некогда...

Пролистывая документы и прислушиваясь к учатившемуся пульсу «кота», я морально готовилась к допросу, когда на панели задач замигала аська. «Царь, очень приятно, царь!», он же Павел Сергеевич, он же моё непосредственное начальство.

«Маргарита, что в городе?» – спросил он без прелюдий.

«Плохо. Предвестников больше обычного. Уже тринадцать особей», – о бесе я своевольно умолчала. Имею право.

«Защитники же украдены – амулеты, прежде охраняющие капище и забирающие силу выплеска. И ты знаешь, кто стоит за кражей, – шайка Ехидны. Разлив тёмной магии с ка-

пища притягивает к городу нечисть отовсюду, и тринадцать – это только начало, – со знанием дела объяснил известное начальник. – Помнишь, что защитники на тебе? Их нужно вернуть на место перед выплеском. Обязательно. Все до единого».

«Помню», – отписалась я сухо и внутренне сжалась в ожидании естественного вопроса.

«Что Ехидна?»

«Не подаёт признаков жизни. И смерти. Похоже, её нет в городе», – хотя ожоги болели... но они постоянно болели. И пока привычно. Как всегда.

«Заклинатели в помощь будут. И...»

«Не надо, – перебила я. – Не забывайте, мы с вами затеяли грандиозную аферу, Павел Сергеевич. Слишком серьёзную для непосвящённых зрителей. Сама справлюсь. Лишние руки, конечно, лишними не бывают, зато глаза – вполне. А наши с вами коллеги непомерно глазасты. Не будем рисковать».

«Аферу... Слово-то подобрала... – он не пользовался смайликами, но сейчас точно ухмылялся в седые усы. – Идёт. Но помощь понадобится – не медли. Заклинателей направлю. Но пока они собираются, не забывай, что ты – ведьма. И приносила клятву защищать людей. Появится нечисть – работай и с ней, не жди заклинателей. Бывай... соучастница».

Я тоже ухмыльнулась. Отстучала «Доброй ночи», закрыла окно аськи и прислушалась к сердцебиению «кота». Скоро

очнёться... Надо поесть, пожалуй. Палач на допросе голодным – и злым – быть не должен.

В холодильнике среди рядов заготовленных зелий и несъедобного вида ингредиентов нашёлся лишь вчерашний салат и случайный беляш. И то хлеб... Сунув беляш в микроволновку, я съела салат, стоя у окна и глядя на скромные весенние звезды. Итого на всё про всё – дней десять... И в душе неприятно засвербело нервное предвкушение. Дней десять...

Всю жизнь я ждала это время, и верила, что справлюсь... И где она теперь, былая вера?.. Когда долго и упорно идёшь к заветной цели, забываешь, с чего всё началось. Целью становится дорога – и каждый новый шаг, и каждый следующий день, в котором надо выжить. А зачем – и за что – борешься... забывается. Теряется в вихре прожитых лет. Растворяется каплей терпкого яда в тонне воды. И однажды напоминает, едко и горько, что ты ни к чему не готов, несмотря на годы учёбы, тренировок, поисков и размышлений.

Бес заворочался. Я неспешно доела беляш, допила чай, подмела за «скорпиошкой», выбросив в ведро два совка песка, и помыла посуду. И, остановившись в коридоре, придиричиво изучила собственное отражение в зеркале. Узкое, невыразительно-бледное лицо, холодные чёрные глаза, рыже-русые волосы – в гладкой причёске со строгим пучком.

«Ох, и ледяная ж ты, Маруся, – осудил при первой встрече у дверей морга незабвенный Анатолий Михайлович. – Хуже

моих пациентов. Не по-женски и не по-людски это». И очень эпично напомнил, что я не только тёмная ведьма на конспиративном задании, но и женщина, и человек. Эпично – и так не вовремя... Пожалуй, выживу – отомщу. Нет, иначе: выживу и отомщу. Обычно я работаю с живыми организмами, но и с мёртвыми немного... дружу. Я мечтательно улыбнулась. И это тоже будет очень эпично.

«Кот» сидел у решётки и злобно стегал по полу тремя хвостами. Судя по квадратным отпечаткам на седой безусой морде, он пытался взять преграду нахрапом, но не сложилось.

Я пододвинула стул к «темнице» и села. «Гость» сжался в комок и утробно зарычал.

– Брось притворяться и говори, – попросила я спокойно на бесовском. – Кто тебя вызвал? Таким, как ты, нужна кроличья нора и прямой, широкий путь *сюда*. И призывающий – тот, кто окликнет и откроет дверь.

– С-сила... – прошипел он, сверкнув жёлтыми «зеркалами» глаз.

Уже прозрел, надо же. Поразительная регенерация даже здесь, в ловушке, забирающей большую часть силы...

– Нет, – я качнула головой, – это верно лишь отчасти. Не забывай, я *слышу*. Здесь ваши сердца, даже во временном теле, подчиняются не вам, а законам живого мира. И ускоряют ритм – от страха или при попытке солгать. Родной пульс – двадцать, а сейчас – все шестьдесят. Значит, боишься. Гово-

ри, кто вызвал. Бесы в мире мёртвых обитают слишком глубоко, чтобы прийти самостоятельно. Даже сюда. Кто?

«Кот» ощерился, оскалил жёлтые клыки.

– Ладно, – я отодвинулась к стене и запустила руку в открытый сундук. – Не хочешь по-хорошему, будет по-моему.

– Обойдёшься, – он осклабился.

– Правда? – я достала плотно закупоренную склянку, внутри которой бушевал крошечный золотой вихрь.

Бес смерил меня ненавидящим взглядом и уставился на зелье. Пульс нечисти подскочил до восьмидесяти.

– Узнаёшь? – я примерилась к пробке. – Мы называем это «сонным царством». Пытать тебя бесполезно, а оставлять здесь опасно: через пару дней нарастишь тело, обретёшь прежнюю силу и взорвёшь клетку вместе с домом. И ищи ветра в поле. Поэтому – спать. И первым же почтовым рейсом – к наблюдателям.

– Чтобы потом языку учить таких, как ты? – прошипел он зло. – И без силы на века остаться? Или обратно быть изгнанным без силы?..

– Или честно и внятно ответить на вопросы.

– Всё равно усыпишь!..

– Зато живым останешься, – я достала вторую склянку, с синим вихрем. – И с силой после пробуждения. Что наблюдатели с тобой сделают, не знаю, но если изгонят обратно, то сила будет при тебе, – и посмотрела на него внимательно: – Итак? Вопрос повторить?

– Женщина призвала, – бес уселся на пол примерным «котиком», обвив хвостами передние лапы. – Живёт на западной окраине, дом голубой... был. Теперь страшный. Три этажа. Ведьма она, тёмная.

– По запаху узнаешь? – я встала.

– Да.

Значит, в постель нескоро... И завтра я тоже пока отоплюсь...

– Перерождённого чуешь? В старых кварталах? – я методично перебирала чужие вещи – ремни, шарфы, перчатки в пятнах крови.

Соратников и поклонников Ехидны я искала десять лет, и кое-кому удалось ускользнуть, но не... целиком. И здесь мы снова встретимся, но уже в последний раз. Для них. Или для меня. Как повезёт. Или...

– Да. Перерождённый спит много. Слабый, – «кот» настоженно бдел. – К югу ищи, старая пятиэтажка, жёлтые балконы, – и вдруг заискивающе предложил: – А можно, при тебе останусь?.. Помогать буду. Ведь *старший* теперь в городе. Всех чую.

– Нет. Не доверяю я тебе, друг мой, – я собрала нужные вещи и повернулась к клетке. – Ты не из тех, кто прикроет спину. А из тех, кто пырнёт ножом, только отвернись, – и посмотрела внимательно: – Но если действительно готов помочь, выпущу раз-другой из спячки. И замолвлю за тебя словечко.

– Или?.. – просипел он выразительно, сделав большие глаза.

– А если никто о тебе не узнает, верну обратно. Кроличья нора в холмах? Скоро там будет столько силы, что и без Круга справлюсь. И без изгнания с клеймом и травмами. *Провожу*, – я протянула ему шифоновый шарф. – Но хоть одна гадость...

– Не то, – «кот» принялся к вещи. – Давай другой.

И на пятую вещь сделал стойку. Я покрутила в руках мягкую соломенную шляпку. Любовь Казимировна, среди своих прозванная Химерой. Хитрая, скользкая, прыткая, удирала от меня два раза, и в последний – прямо из-под носа. Тёмный огонь. А бог троицу любит. И я очень хорошо помню, как испуганно бьётся её сердце...

– Один пришёл?

– Да, сил ведьме не хватило. Хотела больше, чтобы к прибытию ведьм Круга мы проблемой стали, – пояснил он покладисто. – Не смогла. Но собирается продолжать. Сейчас дома и готовится.

Сил не хватило? Вряд ли. Ехидна не терпела рядом слабых, а Химера еле-еле вытащила одного беса, травмировав его по дороге, и упустила, не взяв под контроль? Не верю. Ослаблена... или отравлена. Сливают ведьму. Лёгкая добыча.

Следуя интуитивной подсказке, я подсунула под нос нечисти все «улики», но бес предсказуемо не нашёл в городе их

владельцев. Кроме одной. Хмуро приняхавшись к перчатке Ехидны, он зло ощерился:

– Проверяешь, ведьма? Твоя!

Провал... Ехидна так меня пометила, что я пахну и ею, и собой, и... Ладно, и это тоже предсказуемо. Я кинула бесу открытую склянку с синим вихрем.

– Прячься. Понадобишься – выпущу. Поможешь, чем сможешь, – отпущу... домой. *Обещаю.*

«Кот» глянул нервно и подозрительно, но ретировался. Прутья клетки потухли, потеряв связь с чужой силой. Я закупорила склянку и спрятала её в походный сундук. Потянулась, прислушалась к тихому биению нужного сердца, взяла сумку и пошла обуваться.

Да, три часа ночи – самое время явиться в гости с дружеским визитом и поговорить о погоде.

Приехав в город прошлой осенью, я неделю целенаправленно бродила по улицам с картой и изучила в жилых кварталах каждый дом. До ведьмы – пять остановок, и по дороге я завернула в круглосуточный за кофе и горячими бутербродами. Надо обязательно добраться до магазина, чтобы не питаться чем попало... Работы предстоит много, а она всегда возбуждает во мне нездоровый аппетит.

Рассеянно жуя бутерброд с сыром, я неспешно шла по пустынным улицам, вдыхала запахи весны и определяла фронт работы. Всего за десять лет охоты в живых осталось двадцать почитателей Ехидны, а наследников ее крови – ни одного.

Значит, прячется она где-то среди своих сторонников, вернее в них, ибо телом изувечена и почти мертва.

И у этой же двадчатки – украденные амулеты защиты, тринадцать штук. Наверняка распределённые – яйца в одной корзине не хранят... хотя кто их знает, этих чокнутых. Совесть и человеческих чувств им недостаёт, зато ума и изворотливости – на десятерых, и порой такое выдумают, что психически здоровому человеку и в голову не придёт. И я могу метаться между одним и другим, теряя время и ничего не находя, а потом приедет последний со всеми «яйцами» в час икс... и я безнадёжно опоздаю.

Мысленно заглянув в походный сундук, я нахмурилась. У меня есть вещи только десяти ускользнувших – тех, кому по разным причинам пришлось светиться. Вторая половина спряталась в глуши – мало ли в России таких мест? – и исчезла с наблюдательских радаров. И если первую половину теперь вычислить легко, то остальных... Я редко выслеживала и вынюхивала, обычно этим занимались наблюдатели рангом ниже и подневольная нечисть. А я приходила в последний момент, чтобы завершить начатое.

Похоже, пора вспомнить молодость и уцелевшие навыки полевой работы, ибо времени в обрез.

У «страшного» дома я постояла с минуту, усыпляя всех его обитателей, включая намеченную жертву. Первый этаж, квартира слева... и спи сладко, дорогая. Когда десять лет гоняешься за одним человеком, он становится... почти дру-

гом. Я допила кофе, выбросила в урну пластиковый стакан и толкнула подъездную дверь. Спи... и встань. Открой дверь,пусти меня... И ничего не трогай, только лишние амулеты сними, будь добра, и оденься, хоть в сорочку... И свет включи.

За дверью что-то звякнуло, щёлкнул шпингалет, и я приглашённым гостем вошла в квартиру. Чисто, уютно и знакомо пахнет зельями. Одна комната с разобранным диваном, старым сервантом и открытым настежь окном. Я внимательно посмотрела на замороченную ведьму, соляным столбом стоявшую в коридоре. Поговорим?..

Повинуясь моему жесту, спящая ведьма лунатиком вернулась в комнату и села на диван. Лет – давно за сотню, а выглядит едва ли на тридцать. Короткие чёрные кудри, узкое восточное лицо с тонкими чертами, а глаза голубые, славянские. И любовь к собственной внешности всегда её подводила – она пренебрегала мороками, не находя себе идеального и достойного.

Я пододвинула стул, села и сжала кулак, ощущая в ладони спокойную пульсацию сердца. Пока – спокойную.

– Доброй ночи, Любовь Казимировна, – поздоровалась вежливо.

Ведьма открыла глаза и замерла. Взор стал мутным – и обречённым. Да, удираешь, ускользаешь, веришь, что избежишь наказания, живёшь этой верой, а потом приходит ночь и... я. И вера – вдребезги. И бежать некуда, и пальцем не

шевелинуть...

– Давайте сразу расставим точки над «ё», – предложила я миролюбиво. – Убивать вас нельзя – начальник живой хочет, а пытать... Зачем пытки? Два умных человека всегда смогут найти общий язык и договориться. Разве что...

Она дёрнулась, резко запрокинула голову и захрипела, когда я вырвала ей разом два зуба. С обезболивающим, конечно. И с пломбами-ядом.

– Исключим глупости, – я улыбнулась, – не то моё начальство рассердится.

– Всё равно... не могу, – Химера с трудом ворочала распухшим языком, глядя из-под растрепавшихся кудрей. – Не скажу... не могу, знаешь... же.

Я задумчиво посмотрела на висящие в воздухе зубы, подманила один к себе и принялась. Кровь пахла очень знакомо.

– Вы уже отравлены, Любовь Казимировна. Жить хотите? Тогда ломайте барьер молчания. Вы – Верховная, он вам по силам, не прибедряйтесь. Не Ехидне же *обещали* молчать, а друг другу поклялись – уцелевшим. Всего лишь. Но не забывайте, – я пошевелила пальцами, – ваше сердце – в моих руках.

– Лжёшь... – она дёрнулась, сморщилась.

– Непроходящая усталость, нехватка сил для вызова бевсов, потеря концентрации и себя в пространстве, полное отсутствие сопротивляемости моему воздействию, – я пере-

числила признаки и пожала плечами: – Я удивительно легко вас, дважды ускользающую, скрутила, верно? «Гадюка», если не ошибаюсь. Прозрачный и безвкусный яд с отсроченным действием.

Ведьма шумно выдохнула, задержала дыхание и заискала. Я не сводила с неё глаз и считала про себя. Раз, два... Она вспыхнула тёмным пламенем и обмякла, но я быстро вернула её в чувство.

– Мне нечего сказать, палач, – Химера устало съёжилась, враз постарев лет на двадцать. В чёрных волосах сверкнула седина. – Я не знаю, кто приедет следующим и кто уже в городе. И не знаю, у кого защитники, – глянула с кривой усмешкой. – Мы и прежде друг другу не доверяли, а когда одна известная ведьма при поддержке наставницы-палача упрямо пошла по следу...

– За что вас слили? – я проигнорировала провокацию.

– Не хотела, – она пожала плечами. – Устала. Всю жизнь загнанным зверем... Обещанные знания того не стоят. Я давно поняла, что не доживу до них. После первой же встречи с тобой поняла. Но у нас отпускают только на тот свет. Мне нечего тебе сказать.

Пульс подскочил на десять ударов.

– Неправда, – я прищурилась. – Точное число группы?

– Восемнадцать, – ответила сквозь зубы. – Теперь – восемнадцать. Ещё одного, вроде меня, вчера скормили наблюдателям.

А начальник скрыл, зараза...

– Имена. И прозвища.

Ведьма послушно перечислила.

– Главный кто?

– Сфинкс.

– Когда появится следующий? – я смотрела на неё в упор, шевеля пальцами и считая пульс. – Когда?

– Уже здесь, – выдохнула ведьма обречённо. – Должен был приехать этим вечером.

– «Должен был»... – кивнула я задумчиво. – Стало быть, мужчина, – и резко сжала трепещущее сердце: – Кто?

– Я слышала... вроде Циклоп, – выдавила она через силу и постарела ещё лет на десять. Красивое молодое лицо прорезала сеть глубоких морщин.

– Хорошо же вы «не знаете», Любовь Казимировна, – я улынулась и встала. – У кого защитники? – и сжала её сердце. Ведьма нервно задрожала и захлебнулась криком. – У кого? – и расслабила ладонь, шевельнула пальцами, успокаивая бешеный ритм. – Что вы ещё слышали... вроде?

Химера молчала, только взгляд помутнел до тёмной синевы.

– У кого? – повторила я резко. – И хватит давить на жалость. Я не верю ни единому вашему слову про «устала». Напомнить, скольких вы убили, гоняясь за знаниями для Ехидны? Вас, как дважды засвеченную, просто сделали... предвестником, – сжимая в левом кулаке сердце, правой рукой я

невесомо погладила ведьму по голове. – Говорят, мозг – лучший кинотеатр. А яд – отличный галлюциноген. Посмотрим ваше прошлое? Особенно то, где...

– Не надо... – она сжалась и пробормотала: – Прозвища. Не мы выбирали. Нам их дали. Кому-то – для антуража, а кому-то... – и слабо кивнула в сторону окна.

Я посмотрела в окно. За «страшным» домом начинались пустые кварталы так называемой «Зоны» и вересковые холмы. Которые, кстати...

– ...по названиям здешних холмов? – поняла я и села на стул.

Вот как... А мы-то с Павлом Сергеевичем спорили, обсуждая псевдонимы отступников, до хрипоты...

– Не факт, что защитники у них, – сипло пояснила Химера. – Привезти могут и другие. Необходимо собрать двенадцать символов в круг в холмах, на месте старого капища, чтобы получить ключ к общему хранилищу и взять под контроль силу. И тогда посвящённым откроются древние знания стародавших – так сказала Ехидна.

Сглотнула, сморщилась и хрипло договорила:

– И она украла их, чтобы ведьмы Круга не воспользовались, если мы опоздаем. Чтобы наверняка завладеть. Привезти могут и другие. Контейнеры. Но вот в холмы за знаниями пойдут лишь избранные. Я не лгала, палач. Мне ничего не светило, я хотела порвать с этим... И такой подходящий момент сбежать ото всех... был. Спустила бы бесов и...

Я не ответила, молча глядя в окно. Жаль, она не целитель... Жаль. Переворошила бы её память, собрала биометрику всех участников – и дело в шляпе. Внешность обманчива, а вот сердце и кровь не врут. Опознала бы под любой личиной... но никто, кроме нас, не обращает внимания на то, как по-разному бьются людские сердца. Циклоп, значит... Мы встречались однажды, но так давно...

– Яд, – тихо напомнила ведьма и заёрзала. – Вычистишь?

– Увы, – я обернулась. – Могу только замедлить обменные процессы и его действие. Я не целитель. Вы уснёте и очнётесь в наблюдательском изоляторе. Там вас и почистят, и вылечат... Только будьте готовы к сотрудничеству.

Она хмыкнула и неприлично сплюнула. Кровью.

Я посмотрела на нее внимательно:

– У вас ведь есть дети. Три дочки. Легко найти, дети – наши следы.

Химера побледнела.

– Сотрудничайте, – повторила я с нажимом. – Не упрямитесь и не набивайте себе цену. Мы не изверги. А я детей не убиваю. Их найдут и пристроят к делу. А сохранят ли вам жизнь, зависит только от вас. А теперь... спите.

Ведьма растянулась на диване, а я достала планшет и написала начальнику: «Посылка. Светлая, 85–34. Химера. Первично допрошена. Отравлена «Гадюкой». В анабиозе. Забирайте».

Наблюдательская «почта» работает шустро и бесперебой-

но, и, не успею я уйти, как явится «курьер».

«И мы одного взяли, — поделился «новостью» начальник. — Недавно привезли. Тоже отравленный «Гадюкой». Сейчас допрашиваем. Где отчёт?»

«Завтра. Может быть, — я устало потрянула головой. — Не грузите бюрократией, у меня дел по горло».

...первый из который — сон-час.

Хотя бы час. Дел на завтра вырисовывается немало.

Завертелось.

Глава 3

*Когда магия делается реальной, всё остальное
реальность утрачивает.*

Лев Гроссман «Волшебники»

Я бродила по парку вокруг больницы и старалась собрать мысли в кучу, но после вчерашней встряски и недосыпа они отказывались вести себя по-человечески, прыгая с события на явление, как у нечисти, с насущного на необходимое.

Красноглазая нечисть в старых кварталах. Перерождённый. Для любого ритуала нужна жертва, но одно нарушение в правилах, один недогляд – и дух не в мир иной уходит, а остаётся и впитывает собственную силу, перерождаясь в подобие нечисти. Пока – в подобие, а чем станет, когда наберётся сил?.. Этого не знали даже сказки, ибо перерождённых быстро находили по следам ритуалов. Начальник мне ничего не сказал, значит, наши маяки, реагирующие на любую несанкционированную тьму, смолчали. Значит, убивали либо без использования силы – вручную или зельями, либо убивал тот, кому разрешено. Причём разрешено наблюдателями.

Остановившись, я сорвала с берёзы пару листов. Химера?.. У неё есть то же, что и у меня, – *разрешение* на использование тьмы, индивидуальная лицензия на убийство, ведь когда-то она была Верховной Круга. Я рассеянно посмотре-

ла на смятые берёзовые листья. Нет, вряд ли она, ритуал вызова беса не терпит отвлечений. Циклоп?.. Не угадаешь. Но узнать можно. Ещё ни один любитель жертвоприношений не уходил от перерождённого живым. И как от Стёпы-то отвязаться?.. Тащить его на место ритуала слишком опасно.

Я снова заходила от дерева к дереву. Стёпка, Стёпка... и Циклоп. Его досье я давно наизусть выучила, но как найти, под чьей личиной ты прячешься, сволочь?.. И кого убили в заброшенном квартале? Нечисть, ведьму или колдуна? Люди не перерождаются – в них нет магии, а вот остальные... Ладно, на месте разберусь. И хорошо бы рядом с перерождённым нашелся труп Циклопа с защитником в кармане... Я фыркнула на саму себя. Давно в чудеса не верю, но пожила среди людей – и размечталась...

– Мар, привет!

Я вздрогнула, но это всего лишь Вика – старшая медсестра... а лучше бы Циклоп. Я вежливо улыбнулась, инстинктивно прислушиваясь к знакомому биению её сердца, и обреченно констатировала обход. Я же не зря приехала сюда почти за год до. Знаю звучание сердца и биоритмы каждого городского жителя и сразу найду несоответствие, если за знакомым лицом спрячется чужое. Если только банда Ехидны не опередила меня, приехав раньше и затаившись. А таиться они умеют.

Старшая же медсестра, тучная блондинка и мать пятерых детей, уже присела на скамейку рядом, достала сигарету и

затрещала о чем-то своём. Я рассеянно внимала и ловила разбегающиеся мысли. Когда я сюда приехала, в городе не было ни одного мага – организм с силой работает иначе, чем без. И ни единого странного случая, кроме...

– Ты к Стёпе или к бабе Зине? – спросила Вика. – Но у Стёпы сегодня выходной, а...

...да, и баба Зина вполне может оказаться затаившейся Гарпией или даже Сфинксом. Наверно, зря я с ней тянула, надо бы попытаться. Если, конечно, не обнаружу её труп рядом с перерождённым или... Предвестники, предвестники... Зачем же тебя слили, Химера? Неужто пугая других? Или чтобы вычислить палача? Я ведь здесь тоже... под личиной и с «заглушкой» силы. Но в банде нет ни одного целителя, им меня не раскусить. Они знают, что я появлюсь и буду искать Ехидну, и Химера поняла, когда увидела – когда ощутила палача, а вот остальные... Или её не сливали, просто так совпало?

– Гуляю, – отозвалась я невпопад, когда молчание стало неприличным.

На добром лице старшей медсестры крупно проступило: «Я же вижу, что у тебя что-то случилось! Расскажи, помогу!». Я улыбнулась и отрицательно качнула головой. Нет, одного «помощника» хватает выше крыши.

– Ладно, – Вика потушила сигарету о край урны. – Хорошего дня, Марусь. Заходи чайку попить, если надумаешь.

– Спасибо, – я кивнула.

Она ушла, а я достала планшет и проверила почту. Начальство, получив с утра отчет, нагло молчало. Впрочем, оно всегда было наглым и молчаливым и открывало рот только в крайнем случае – или допросить, или предупредить. Стёпа тоже молчал. Я посмотрела на серое здание хирургии. Заняться делом, раз мысли не ловятся?.. Формально я в больнице не работала, конечно, но после бабы Зины никто не интересовался, зачем я брожу по коридорам. Ведьма же, шептались коллеги. Да, коллеги – одно лечим, другое калечим, да простят мне такое сравнение честные эскулапы.

Я вздохнула. Всегда ненавидела свою работу... Всегда. С детства мечтала быть обычным целителем – лечить и спасать чужие жизни. Но мечты сбываются не по-нашему, а по-своему. И целителем я стала, да не тем. Но появился Стёпка – и с ним появилась надежда. Смогу. Если не развернуть силу от тьмы к свету, то дотягиваться до него тогда, когда это необходимо.

...и опять вспомнился тот февральский вечер. Кромешная тьма. Разбитые дороги. Гололед. Грохот. И безумная, пульсирующая вспышка боли. Сначала я хотела только забрать боль – это всегда получалось. Чтобы дотерпел до приезда скорой. А когда увидела... Грешна, думала оборвать жизнь – да, чтобы не мучился. Жить там было... нечему. И травмировать, чтобы потом исцелить как своё, тоже было нечего. Но сила – и то, что всегда мечтало спасать, – поступила иначе. И когда чужая боль, электрическими разрядами

пробежав по рукам, добралась до мозга и замкнула сознание, погрузив меня во тьму... сила, впервые на моей памяти, совершила невозможное.

И с тех пор я ошивалась возле больницы или бродила по обшарпанным коридорам и пыталась. Снова и снова пыталась поймать то ощущение и сотворить маленькое чудо. Но не получалось. Видимо, сломанных костей и почечных колик... мало. Но первый шаг в нужном направлении сделан, и я не теряла надежды на следующий. Чтобы протоптать заветную тропу. К свету.

Сила, говорила наставница, это твоё внутреннее солнце, а на нём есть невидимые пятна. Чёрные, если солнце – свет, или же белые. В природе нет абсолютной тьмы или света, и в нас – тоже. Нужно лишь увидеть, нащупать, научиться касаться и работать. Поверить, в конце концов. И раз появилась возможность совместить необходимое с приятным, я всю её пользовалась.

И, кстати, о «надежде»... Требовательно зазвонил телефон. Стёпа проснулся и жаждал подвигов. Волшебных. Причину отвадить его я так и не придумала, поэтому... А на «там опасно» он не поведётся. Только возбудится ещё больше.

– Да, привет, – я взяла трубку. – Да, у больницы. Куда?.. Сейчас подойду.

И, уходя по разбитой асфальтовой дорожке к воротам, опять ощутила спиной вчерашний взгляд. И опять то же юное сердечко. Где-то на крыше. Теоретически я могу его и

отсюда прихватить... Но пусть живёт. Пока. Молодой. Ошибётся. Тогда-то я и возьму своё.

При виде меня Стёпа поднял брови:

– Ты что, собралась в «Зомби-апокалипсис» в длинной юбке и на каблуках?

– Долго ли переодеться, – я хлопнула по сумке и пояснила: – У меня же имидж.

А имидж – это и роль. А пока я в роли, мне проще быть той, кем приходится, и делать свою работу.

От больницы до «аттракциона» – полчаса пешком, и мы с удовольствием прогулялись, обсуждая дела. Стёпа переживал, не начал ли второй хирург потреблять прямо с утра, но я заверила, что Егорыч: а) совершенно трезв и б) бросил пить. Совсем.

Коллега поверил мне на слово, успокоился и вспомнил:

– Нам, кстати, нужна пятиэтажка. С балконами, кажется...

– ...жёлтыми, – я глянула по сторонам на перекрёстке и остановилась, заметив красный сигнал светофора.

По архитектуре города можно за пару часов изучить историю его заселения. Лёгкие двухэтажные усадьбы чередовались с деревянными бараками и «временками», сменялись солидными «сталинками» и угрюмыми хрущёвками, из-за которых виделись редкие «грибы» девятиэтажных новостроек. Машин было немного, а светофор – один на весь город. Серьёзно, один – и на одной лишь стороне перекрёстка.

– Откуда знаешь про балконы?

– Я же ведьма. И я знаю очень много, – я невозмутимо пошла по «пешеходке» на зелёный свет, отгоняя гнусную мысль.

Нет, внезапный скачок давления или спазм сосудов, организованный на ближайшей скамейке, – это очень подло. Поймёт же наверняка и обидится. К лучшему, конечно... Но подло. И, по классике, мы в ответе за тех, кого приручили.

Вторник, середина дня, но прохожих на улицах хватало. На меня смотрели косо и с опаской, а Стёпе улыбались, как родному. За полгода через его руки прошла едва ли не половина жителей, а остальные, как ни странно, мечтали пройти. Коллега скромно улыбался, кивал и здоровался, а я шла строго к парку, за которым маячили, полускрытые первой листвой, старые кварталы. Пока солнце высоко, надо всё успеть. Днём местные «зомби», разумеется, спят, но ближе к вечеру точно выползут – накраситься, нарядиться, поработать...

В парке, заметив, что мой спутник отстал, беседуя с бывшим пациентом, я сняла кольцо с иллюзией. Джинсы, кеды, свитер, рюкзачок и никакого привычного «ведьмовского» макияжа. И всё предусмотрено, кроме... И я снова отогнала подлую мысль о солнечном ударе или отравлении. Хочет человек волшебства, чудес и сказки – будет ему сказка. Страшная, но... Имеет право хотеть. А вот я права впускать его в наш мир не имею. Но – таких, как я, не наказывают и...

– Мар, подожди!

Я остановилась у проржавшей калитки. Стёпа подошёл и одобрительно присвистнул:

– Надо же, у тебя под этими страшными юбками есть красивые ноги! А я-то думал...

– Они не страшные, а приличные. И у меня же...

– ...имидж, помню, – он весело кивнул, – и муж. Вроде даже любимый.

Точки над «ё» мы расставили через неделю после знакомства. Я всегда считала, что нам дано слишком мало времени, чтобы годами ходить вокруг да около. И лучше поставить человека в неудобное положение и смутить, но сказать всё прямо, честно и сразу. Ибо. Большинство человеческих проблем – оттого, что люди говорят, когда нужно промолчать, и молчат, когда нужно говорить. И молчат о том, о чём нужно говорить.

– Не «вроде», а «даже», – я толкнула скрипучую калитку. Сердце неприятно кольнуло тоской. Зря вчера вспомнила... – А тебя не я интересую, а моя магия. А в твоих мыслях – Аня, анестезиолог. И в штанах, извини за прямоту, тоже. А со мной тебе просто... – и вспомнила подходящее современное слово, – прикольно. Но лучше бы Аню в кино сводил, чем шататься по сомнительным местам со старой сумасшедшей ведьмой.

Коллега позади смущённо зашелестел картой. Я улыбнулась, не оборачиваясь. Раз десять уже об этом говорила, но...

Людам свойственно верить, что у них впереди долгая жизнь и море времени, которое можно тратить на душевные метания, стеснительность, неуверенность и прочее. А потом это время приходит, берёт за горло и...

– Нам по центральной улице, – Стёпа мудро решил не развивать тему. – Десять домов, потом направо... Что? Про жёлтые балконы ты узнала, а адрес – нет? А я узнал. Если, конечно, эта псина ещё на месте.

Я прислушалась к ощущениям. Сила фонила очень слабо. Стоя у калитки под раскидистыми цветущими липами, я прищурилась на солнце. От любой нечисти тьма расходилась кругами, но не от этой. Сила перерождённого металась безумным ветром, то касаясь лица, то шелестя кустами, то поднимая пыль на соседней улице. В общем, адрес – это хорошо. Перерождённый не может никуда уйти от своего тела – так говорят сказки. Будем верить в их правдивость, раз для лжи пока повода нет.

Однотипные заброшенные хрущёвки зияли пустыми окнами и распахнутыми дверьми подъездов, а разбитый асфальт – глубокими трещинами. Ветер скрипел проржавевшими качелями и подметал тихие пыльные улицы, гоня старую листву и конфетные фантики, шурша разбросанными пивными банками и взъерошивая весеннюю траву. А вот деревьев не было, только переломанные жухлые кусты да пеньки. Срубили во избежание?..

Аттракцион с «зомби» – клубок из пятнадцати длинных

улиц с узкими дворами и заброшенными детскими площадками. И, так и не определив чёткое направление, я заглянула в карту.

– А если срезать?

– Во дворах ловушки, – пояснил Стёпа. – Замаскированные «могилы», провалы в «склепы»... А на дороге – разве что «кишки» в кустах, «мозги» на асфальте да отрезанные «пальцы», – и бодро добавил: – Но мы в своей практике и не такое видели. Идти минут на десять дольше, зато точно ни во что не вляпаемся.

Резонно. По «склепам» бродить некогда, ещё же Циклоп.

– Держись за мной, – я посмотрела на коллегу серьёзно. – Нечисть опасна.

Он кивнул и, едва мы прошли вдоль одного дома, неожиданно вернулся к старой теме. Ему, как и мне, тишина заброшенности после оживленного городского шума давила на уши.

– Неужели мы так предсказуемы? Для тебя?

– Не вы, – я посматривала по сторонам. – Организмы. С психологией не особо дружу, но гормональные всплески, особенно по весне... Специально не слежу, не смущайся. Это давний рефлекс. Обычно на уровне «отметила – забыла». И, кстати, Аня совсем не...

– Мар!..

Я улыбнулась про себя. Молодёжь... Но лучше о чём-то говорить, чем по сторонам смотреть. Тени от домов, «киш-

ки» и «мозги» вдоль обочины, лужи «крови» на асфальте – чёткая тропинка. Ненормальные. И где сколько «реквизита» раздобыли? Видно же, что всё ненастоящее. Хотя – это нам, специалистам, видно. А непосвящённым поди всё равно, настоящее или бутафорское. Атмосферно – и ладно.

Тёмный ветер налетел из-за угла, закружил в ногах пыльной листвой. Я замерла посреди дороги и *почувствовала*. Два тела. Две смерти. Через пять домов. Срезать бы, но там всё в гробах и крестах... Знакомая сила оседала на лице холодом, до гусиной кожи. Перерождённая – ведьма. Плохо дело.

– Стой, – я ухватила коллегу за рукав кожаной куртки. – Не спеши. Она где-то рядом...

– Но по карте...

– Карта – это всего лишь карта, рисунки... – я наконец поймала ощущение нечисти. Вернее, пока ещё нежити.

Оно витало меж пустых домов, скользило по серым стенам солнечными зайчиками. Красноглазую собаку видели в одном доме, и там же её почуял бес, но «пёс» – это всего лишь солнечный зайчик. А «зеркало» находится в другом месте. В похожем доме с такими же жёлтыми балконами. Рядом, друг напротив друга...

– Нам дальше, – я пошла мимо обозначенного на карте дома.

Вдоль серого торца, по «окровавленной» дорожке мимо «крестового» двора, строго на ощущение. Остановившись у

третьего подъезда, я прислушалась к себе. Здесь. Этаж четвертый или пятый. Удобное место. Последний дом, самый дальний от парка, за ним – только пустыри да старые кладбища. Никто ничего не услышит и не узнает. И волны силы от ритуала не дойдут. Я огляделась и качнула головой. И маячков тут, кстати, нет. Непорядок.

– Сюда, – я сняла рюкзак.

Поднялась по разбитым ступенькам, поставила рюкзак на скамейку и расстегнула молнию. Так, быстро расставить маяки и найти то, на что наверняка клюнет мёртвая ведьма...

– Мар!.. – коллега изнывал от любопытства.

– Стёп, смирись, – я интенсивно рылась в амулетах. – Я немного приоткрою дверь в наш мир, но – немного. Смирись с тем, что *всего* ты никогда не узнаешь. Только поверхностно.

– А если узнаю? – он сел на скамейку, наблюдая.

– Память сотру. По регламенту положено.

– А сейчас почему не?.. – и сам понял: – Жалеешь, что ли?

– До того февральского вечера ты сходил с ума. Тебе было скучно, грустно, тоскливо и муторно. А организм был в таком стрессе, что... А сейчас ты в норме. Интерес появился – и к жизни, и вообще. Сунул нос в новый мир – и очнулся. Да, жалею. Поэтому немного показываю.

– Я так предсказуем?

– Не обижайся, – я отвлеклась от поисков, посмотрела на него и примирительно улыбнулась. – Ты же своих пациентов жалеешь? Носишься с ними терпеливо и ждешь, когда они

поправятся? Вот, собственно, и я... Считай это послеоперационной терапией. Реабилитацией. Чтобы ты опять от тоски заборы не поехал искать на ночь глядя.

...и лучше ему не знать, какую сильную связь предполагает эта «терапия». Связь, к счастью, временную, но прочную. Пока она есть, я его от чего угодно излечу. И снова с того света вытащу, хотя природой мне дано только отправлять туда. И бояться буду за его жизнь пуще, чем за свою.

– Вот... ведьма, – пробормотал Стёпа, и я так и не поняла, чего в его голосе было больше – возмущения или одобрения.

Да, а мёртвое лучше всего клюет на живое...

Я выпрямилась и задумчиво посмотрела на своего взъерошенного спутника.

– Что? – он выразительно поднял брови. – Опять «сыром» быть?

– Не опять, а снова. Рискнешь?

– А то!

Балбес... Не понимает, что даже в добрых сказках люди гибнут по-настоящему, и ведьма под боком – не панацея. Идёт доверчиво в пасть загадочного волшебства, и отскребай его потом, если сила не подведет... Но я никогда не отказывалась от возможности сделать дело быстро и качественно, привыкла работать в команде и в одиночку чувствовала себя неудобно. И в открытом бою я перерождённую вряд ли одолею. Рискнём.

Достав из рюкзака склянку с «сонным царством», я огля-

нулась на дом. Зелье – большая редкость, и второго у меня нет. Беса пугать будет нечем, сущность он вмещает одну... Повезло, что нечисть оказалась сговорчивой. Поставив зелье на скамейку, я достала вторую склянку – со своей кровью. А другого оружия нет – только смекалка, приманка и везение. Боевая ведьма бы развоплотила, но я – целитель, а физического тела перерождённое существо не имеет.

– Держи. Откроешь и пойдёшь вперед. Главное, ничего не бойся, – проинструктировала я коллегу. – На руки капни, если не брезгуешь.

Не побрезговал. Небрежно снял куртку, измазал руки кровью и бодро зашёл в подъезд. А я осталась. Зажмурилась и следовала за его сердцем, смотрела его глазами. Перерождённая пока не высывалась, но ветер её силы затаился, выжидая. Вынув из кармана рюкзака амулет, я зажала его в одном кулаке, а зелье – в другом. Мне нужна пара секунд, чтобы успеть, лишь бы точно знать место и отвлечь нежить...

– На первом этаже никого, – Стёпа выглянул из открытого окна. – Дальше?

– Иди сразу на пятый, – посоветовала я напряжённо.

Интересно, чувствует ли она скрытую силу – и меня в «засаде»?.. Или поведётся на шлейф моей силы от коллеги? О перерождённых мы знаем слишком мало.

Стёпа поднялся наверх. Обшарпанный подъезд, потрескавшаяся зелёная краска, облезлая штукатурка, грязная лестница, отсутствующие двери, безлюдные квартиры, зава-

ленные рухлядью... Пятый этаж – и воздух, завибрировавший от напряжения, вихри силы из дверного проёма слева.

Ругнувшись про себя, я побежала по газонам вдоль дома. Окна этой однокомнатной квартиры выходят на противоположную сторону.

– Мар! – разнеслось над аттракционным удивлённое. – Тут мумии!

Естественно... Ведьма, умершая не своей смертью, мумифицируется. Значит, Циклопу не повезло, и он жив... Я перемахнула через замаскированную могилу и едва не угодила во вторую. Наступила на что-то скрипнувшее, но высунувшаяся из «могилы» облезлая «рука» схватила воздух.

– Ма... – и Стёпа поперхнулся. И замолчал.

Замерев у угла дома, я ритмично сосчитала до десяти, прислушиваясь к повышенному пульсу своего спутника, и кинула амулет на землю, превращая его в длинную, узкую подушку. Кто-то по старинке летал на метле, но я предпочитала более удобный транспорт. Оседлала подушку, оттолкнулась от земли и взлетела, огибая дом. Из нужного окна валил чёрный дым. Перевоплощается и поглощена «едой». Отлично.

Спрыгнуть на подоконник, откупорить склянку и метнуть в перерождённую – дело двух секунд. Заваленная обломками мебели пыльная комната, а вместо двуххвостой собаки – костлявая красноглазая тень над распростёртым телом. Стёпа лежал на полу, из его носа текла кровь, и перерождённая,

чадя тьмой, приникла к ней, слизывая раздвоенным языком каждую каплю в поисках силы, которой нет. С рук слизала, смогла сменить облик – и хватит. Из горлышка вырвался золотой ветер, обволакивая чёрную фигуру. Да, хватит.

Перерождённая завывала, расплываясь. Я спрыгнула с подоконника, осторожно обходя её, подбираясь к зелью и сжимая пробку. Красноглазая, отпихнув жертву, с рычанием метнулась ко мне. Лицо безобразно пузырилось, «лопаясь» и расплываясь старой тканью, костлявое тело дымило, распадаясь клочьями чёрного тумана. Я попятилась, не сводя с неё взгляда. Золотой ветер, вгрызаясь в нежить, высасывал из неё остатки сил, сиял сотнями солнечных искр. И неожиданно очнулся Стёпа.

Сев, коллега узрел перерождённую, чертыхнулся и торопливо отполз. Слякка с зельем, подвернувшаяся под его руку, звеня, покатилась в сторону. Нежить разочарованно завывала и заметалась между нами.

– Стёп, найди бутылку! – я закатала левый рукав свитера. – Лови! – и кинула ему пробку. – Её надо закрыть, и чем быстрее, тем лучше! Шевелись!

И пережала вену на левом локтевом сгибе. Побуду для разнообразия «сыром», да. Раз, два... Серебристо-чёрное Пламя охватило мой локоть, рассыпая искры, и перерождённая разом потеряла интерес и к коллеге, и даже к вихрю. Перед ней стояла не просто ведьма с «углём», а природная Верховная с Пламенем. Бездна мощи. И нежить ухитрилась со-

браться, перебарывая действия зелья, начала обретать очертания. Сильнее беса, заberi её тьма...

– Стёп, быстрее! – я движением руки остановила отвлекающее его кровотечение, замедлила сумасшедший сердечный ритм, понизила уровень адреналина. Спокойствие, только спокойствие...

Мой спутник живо зашуршал в обломках мебели, гремя одноногими табуретками, поднимая клубы пыли и штукатурки, беспрерывно чихая. А я отступала, удерживая своё Пламя, к окну. Там подушка.

«Транспорт» сам подвернулся под ноги, и я взмыла к потолку. Чтобы увидеть невероятное. Тварь *росла* – шипя и сужаясь, она вытягивалась, удлиняла руки. В глазах без зрачков бушевал багровый огонь, чёрный язык трепетал как у готовой «выстрелить» ящерицы.

А коллега нашёл склянку и замер, зачарованно уставившись на меня, в одной руке пробка, в другой – флакон.

– Стёпа!.. – рявкнула я сверху. – Крышка!..

Он вздрогнул и на автомате закупорил склянку.

– А теперь бросай! В сторону бросай и отходи!

Зелье покатилося по полу, и вшитое в пробку заклятье сработало на совесть. Золотые искры потянулись к ней, как пыль к включенному пылесосу, одна за одной, рассеивая воющую перерождённую, увлекаая за собой клочьями тумана. Я посчитала до десяти, снизилась и спрыгнула на пол, подхоя к флакону, в котором вновь закрутился золотой вихрь.

И выдохнула, расслабляясь. Всё. Почти всё.

– Стёп, где мумии? – я превратила подушку в амулет и спрятала его в карман.

– А-а-а? – отозвался он растерянно, глядя, как я поднимаю с пола использованное зелье. – Там...

Я вынула из кармана джинсов носовой платок, шепнула наговор и, походя, сунула его коллеге в руку:

– Спасибо. Вытрись.

Заодно и память... размою. Стереть – не сотру, но смазать чёткую картинку, чтобы кошмары не мучали и лишние вопросы не одолевали...

Мумии нашлись там, где прежде была кухня. Крохотная узкая комнатка, старая газовая труба и проржавевшая плита, остатки стола и перевёрнутый цветочный горшок на подоконнике. Одна мумия сидела, прислонившись к стене, в ритуальном кругу, а вторая – напротив, в углу у плиты, в подтёках крови. Колдуны, насколько я знаю, не мумифицируются, то есть мы имеем двух ведьм... причём знакомых. На первой – рваные джинсы и спортивная толстовка, на второй – серое платье в пятнах крови, с лохмотьями длинного подола. Но узнавала я не по одежде.

Я быстро считала остаточные биоритмы каждой, вспоминая звучание замолчавших сердец. Первая – из Круга, понаблюдать приехала, а вот вторая... Я присела, невольно расправляя ключья серого подола. А вот вторая, если Химера права... Медуза. Носительница одного из защитников. Где

только спрятала?.. Я обыскала мумию, но ни амулетов, ничего подозрительного не нашла. И встала, озираясь. В принципе амулеты на ней и не должны быть, правилами ритуалов они не допускались, однако...

– Мар, что ищешь? Не это?

Я обернулась. Стёпа стоял в дверном проёме, сжимая в кулаке горсть амулетов. Нос распухший, глаза лихорадочные и воспалённые, джинсы с майкой в грязи и крови, но держится бордо.

– Положи сюда, – я указала на подоконник. – И ничего ведьмовского больше не бери, на амулетах встречаются проклятья. И... подойди. Осмотрю.

Проклятья, к счастью, не нашлось, как и внутренних повреждений. Разбитый нос и слабость от потери крови – легко отделался. А вот нужный амулет – вернее, нужный символ на амулете, – обнаружился. Я внимательно изучила тяжёлое старинное кольцо с потрескавшимся чёрным камнем. С виду – обычные трещины, но я наизусть знала каждую. И на душе стало легче. Да, ещё Циклоп и остальная банда Ехидны... но первый шаг по нужной тропе сделан.

– А я такой видел, – вмешался в мои мысли коллега. – Камень.

– Где? – встрепелась я. – Когда и у кого?

– Когда к тебе навстречу бежал, у больницы крутился какой-то дед, – пояснил Стёпа. – Помню, он споткнулся, упал, а я подошёл – помочь подняться и спросить, как и что. А

камень был в глазной повязке. Я ещё подумал, креативный мужик, хоть и...

Дальше я не слушала. Камень. В повязке. Циклоп. Они же под личинами, даже друг от друга из-за слезки наблюдателей прячутся, но рискуют, выставляя напоказ общий символ...

– А как он выглядел?

Коллега начал с «вроде невысокий...» и замолчал, нахмурившись. Понятно. Отвод глаз. Внешность не вспомнит, а вот *ощущение*... Организмы запоминают биоритмы друг друга – любые организмы, особенно если был тактильный контакт. Только люди не знают об этом.

Считаю информацию. Чуть позже.

Достав из кармана джинсов сотовый, я сфотографировала для отчёта кухню, мумий и следы ритуала. Да, Медуза ошиблась. В одном ошиблась – слабо вырубилась ведьму. И посреди ритуала жертва очнулась и незаметно стёрла ногой крошечную часть линии. И случилось то, что случилось: ведьма в ритуальном трансе, будь она хоть трижды боевой и опытной, беззащитна. Или – кто-то помог Медузе ошибиться, вмешался в ритуал...

– Стёп, подожди меня на улице. Я скоро.

Он предсказуемо открыл рот, но возмутиться не успел.

– Иди вниз, – повторила я и добавила мягко: – Пока не знаешь – пока я не объясню, *что* ты видишь, – тебе просто сотрут память. Если я не смогу прикрыть... только сотрут.

А будешь много знать... Твой выбор?

Коллега кивнул, повернулся и вышел. Я проследила его путь до первого этажа и достала из кармана джинсов тонкий пакет с порошком. Мумии в аттракционе, конечно, к месту... Однако мир истинной магии скрывался от людей веками, и незачем оставлять любопытным столь интересный материал.

Вниз я спустилась, лишь убедившись, что от колдовства не осталось и следа. Спрятала в рюкзак «сонное царство» и сотовый, снова проверила сохранность кольца и со значением посмотрела на сидящего Стёпу.

– Что? – он потрогал распухший нос. – Лечить будешь?

– Попробую, – отозвалась я примиряюще. Заодно и в память влезу. Найду того деда и попробую рассмотреть детали.

– И до дома, конечно, не подвезёшь, – заметил он грустно и выразительно.

– Я страшно боюсь высоты, – призналась я тихо, обхватив ладонями его виски, и улыбнулась: – И ужасно летаю. И вообще стараюсь не летать. Поэтому... спасибо за помощь, но не подвезу.

Ответом – очередной грустный взгляд. Не был бы ты обычным человеком, Стёпка... Напарник в таком сложном деле мне бы не помешал. Очень не помешал. А вот ты наверняка помешаешь. И как бы тебя отвадить-то и обойтись без обид, лишних объяснений и лоботомии?..

Глава 4

*Кончились времена охоты на ведьм, теперь
ведьмы охотятся на нас.*

Уршула Зыбура

Я сидела на парковой скамье, вытянув ноги, и рассеянно наблюдала за резвящейся у фонтана детворой. Пара пацанов бродила по бортикам с палками, окуная их в воду, брат с сестренкой поодаль пускали кораблики. Жизнь шла своим чередом. Циклоп ощущался туманной внутренней целью – палач всегда чуял выбранную жертву, – но пока не находился.

С утра мы съездили со «скорпиошкой» в пригород, отловили всю нечисть, и я сразу же по возвращению написала начальству, напомнив о заклинателях, и потребовала несколько «сонных царств». Да, редкое зелье, да, готовится долго и ещё дольше вызревает, но, судя по вчерашнему ритуалу и спящему бесу, банда Ехидны надумала наводнить город крупной нечистью, а с ней я воевать не умею. И отвлекаться не хочу.

Убитой ведьмы хватиться не успели, и её смерть стала для Круга большим и неприятным сюрпризом. Я через начальство попросила никого не присылать, но вряд ли нас послушают. И будет банде «материал». Но в глубине души я подзревала, что у них и без круговых ведьм для ритуалов жертвы

найдутся – те самые, без защитников. Особой щепетильностью поклонники Ехидны не отличались и радостно сливали друг друга, лишь бы ноги унести. Или приносили в жертву. И Химере очень повезло встретиться со мной, хотя она думает иначе.

Циклоп, Циклоп, где же ты...

Я расправила смятый лист бумаги и в сотый раз всмотрелась в схему. Так называемая Долина смерти. Двенадцать холмов кольцом с тринадцатым в центре – древний Круг ведьм, старейшее капище. Под каждым холмом – гробница, изголовье которой прежде украшали камни. По легенде, раз в сто пятьдесят лет они, наполняясь силой, вспыхивают и указывают путь к древним знаниям – к тем, что были утрачены во времена охоты на ведьм. Стародавние предвидели это и оставили своим потомкам следы-подсказки, тропу к утерянному, но никто, кроме Ехидны, до этих знаний не добрался, да и она не дошла до конца и не получила всё. Потому что... есть наблюдатели.

Со стороны фонтана донёсся весёлый галдёж. Детворы прибавилось, палок и корабликов – тоже. Как и мамаш с бабушками, присматривающих за ребятней. Присматривающих...

Последние лет двести открытая война между ведьмами и наблюдателями – бывшими инквизиторами – перешла в холодную, и с тех пор мы присматриваем. Пока от ритуалов нет зла и вреда, пока ведьмы честно выполняют обязательства

и оберегают людей от нечисти, а нечисть – от людей, пока скрывают силу и способности, не вмешиваясь в дела общества... мы только присматриваем. И не пускаем к лишним знаниям, вроде тех, что скрывает капище. Ведьмы Круга наивно полагают, что могут распорядиться древними знаниями с умом, однако эти знания лишают ума. И примером тому – Ехидна.

Я подняла глаза к закатному небу, непроизвольно смяв лист со схемой. Всего по миру таких «закладок» знаний было штук двадцать, но часть поглотили морские глубины и землетрясения, часть затерялась в тайге да среди болот или замечена вечными песками пустынь так, что не подобраться. В относительно доступных местах – лишь пять капищ, и за каждым мы наблюдали очень пристально. И не один поход пресекали на корню. И лишь раз не справились... почти не справились.

Ехидна была уничтожена в гробнице сферы смерти и получила в честь неё своё прозвище. Почти уничтожена. Искалеченная схваткой и едва живая, она спряталась, пережила несколько крупных облав и забрала, защищаясь и используя знания из гробницы, множество жизней, чтобы однажды объявиться и в ритуале прицепиться ко мне. А прихвостни старой ведьмы унесли камни-защитники. Чтобы понять, когда возвращаться – когда точно начнётся выплеск, и быстрее пройти прежний путь. И мы всегда знали, что они вернутся – именно сюда, именно в это время. Именно они. Дожившие,

презревшие законы природы. И научившиеся прятаться так, что не только меня обманули, но и нечисть.

Сколько Медуза пробыла в городе? У меня есть её кровь, но бес не учуял. И Циклоп упрямо не находится, хотя я чую, кожей ощущаю, что он здесь. Палача выбранная жертва не обманет. До конца – не обманет и не спрячется. Всё равно найду – из-под земли достану. Из-под земли... Я старательно обходила эту возможность стороной, однако...

Я нахмурилась, припоминая планы города. Катакомб здесь нет, если не считать подвалы бывшего научного института, они же – старые лаборатории... И не потому ли Циклоп крутился у больницы? Да, земля глушит большинство сигналов жизни. И силу ритуалов. И... тьма, как же я не люблю лазить по заброшенным местам... Я уже не в том возрасте, чтобы ищейкой носиться по грязным подвалам, высунав язык, и как же мне не хватает группы помощников...

Встав, я оправила плащ и неспешно побрела в сторону больницы. Пока мы выслеживали родственников Ехидны и ее помощников, у меня под рукой была прекрасная группа. Мелочь первой-третьей ступени – чтобы выслеживать, вынюхивать и собирать сплетни. Ребята постарше – четвертая-шестая ступени силы – проверяли, подтверждали, находили, следили за жертвой. И я, вишенка на торте.

Моя седьмая ступень, конечно, невесть что, ещё выше – Совет, они же – главы отделов, да сам глава наблюдателей... Но я – единственный работающий и опытный палач, и по

полномочиям равна ему. Почти. А теперь... Наша с начальником авантюра карается смертной казнью, поэтому... Никакой доверительной помощи. И о деле знаем только мы вдвоём, даже моя семья не в курсе. Почти. Да, последние пять лет я живу в режиме «почти», хожу по лезвию ножа, играю с огнём...

По улицам лениво расплзались весенние сумерки. Удлинялись тени на аллеях, гасло закатное зарево, возвращался прохладный ветер. Я уверенно шла в сторону больницы, хладнокровно планируя охоту. Ведьм пытать... не могу. Не всегда получается. Маги – совсем другое дело, особенно спятившие. Ведьмы – сёстры по силе, и пусть я выросла среди магов-наблюдателей, в мужской среде, наставница приучила к тому, что ведьмы своих не бросают. И пусть я для них изгой – наблюдатель, предатель, как заметила «скорпиошка». Простые истины, понятые и принятые, сидят внутри занозой и шагу не дают ступить без напоминаний о совести и ведьмовской чести.

Больничные корпуса терялись в старых тополях и берёзах, над кованой оградой склонялись душистые ветви цветущей черёмухи. Я глянула на приоткрытую калитку и пошла в обход вдоль ограды, ко второй калитке. Не хочу, чтобы сегодня меня здесь видели. И Стёпа, слава богу, спит. Завтра ему с шести утра на суточное дежурство, и крепкий сон очень кстати. Для нас обоих. И очень кстати бы поесть, и где-то в сумке валялось яблоко...

Со случайными встречами обошлось, и лишь раз я остановилась, прислушиваясь к голосам. Медсестры курили и сплетничали у бывшего геронтологического корпуса, а по соседству, у корпуса гинекологии, хихикали и целовались интeрны. Не увидят. Мне – дальше, к сообщающимся корпусам онкологии и вирусологии. Стёпка как-то рассказывал, что там не то лекарство от рака изобретали, не то химическое оружие под видом лекарства. И под корпусами в целости и сохранности, если не считать вывезенных архивов и аппаратуры, пылилось два подземных этажа. Строили в те времена на совесть. К сожалению. Сейчас – к сожалению.

Замка на неприметной ржавой двери не было. Первый знак... опять предвестник. А вторым знаком стало сердце. Едва я спустилась на десять ступеней вниз, как ощутила жизнь – мощную, человеческую. Сильное сердце билось учащённо, торопливо. А я вовремя... Но за годы работы я привыкла приходить вовремя, научилась инстинктивно ловить верные для появления моменты. И редко опаздывала.

Узкие и пыльные тёмные коридоры, закрытые двери, слабо мигающая «аварийка» и никакой живности – ни пауков, ни крыс. И слабый-слабый запах заброшенности. И лекарств. И – крови. Я остановилась, невольно ёжась. Кровь была повсюду. Казалось, она стекает по стенам, собирается лужицами на полу, пульсирует живой силой. Ибо кровь отдавал «хозяин» живого сердца. И мне хватило пары секунд, чтобы разгадать замысел. Ах, стервец...

Подобрав юбку и на ходу сбросив туфли, я побежала туда, где сильнее чувствовалась пульсация. Далеко он не ушёл – метров двести прямо, к обшарпанным дверям бывшей, кажется, операционной... Я распахнула створки и огляделась. Большое и пустое помещение, мигающая «аварийка» и следующие двери. Из щели по полу стелился ярко-синий свет, по стенам прыгали мрачные тени. И я лишний раз убедилась в верности догадки. Они делают всё возможное и невозможное, чтобы усложнить жизнь ведьмам, которые придут к выплеску... и мне.

Я невольно замерла у дверей, успокаиваясь. Синий свет от ритуала я помнила очень хорошо – до ужаса хорошо. И сейчас этот ужас всплывал давним воспоминанием и путал мысли, атаковал паникой... и старой болью. Тридцать лет прошло, а я помню каждую мелочь – и собственное бессилие, и оскал на лице Ехидны, и её смех, и синий свет на горячих ладонях... И не к месту вспыхнули болью ожоги на руках.

«Однажды, – пообещала она, – когда сила выплеснется наружу, я обрету новое тело. Твоё тело».

Зажмурившись, я с трудом поборола страх и взяла себя в руки. В руки дрожащие, но уже не бессильные. В тринадцать лет я могла только царапаться, кусаться и рычать загнанным зверем, а сейчас... Сейчас мне подвластно многое. А главное из этого «многого» – боль. Это лучшая защита и лучшее нападение. Боль и двухсотлетних колдунов гнёт и ломает, как простых смертных – природные законы устройства организ-

мов одинаковы для всех. Просто для двухсотлетних боли надо чуть больше.

Циклоп, конечно, почувал меня, и сияние стало глуше. Он быстро перекрывал заклятье, но ни потушить костёр, ни разжечь его как следует не успевал. Я резко толкнула двери, уже зная, что увижу. Пламя цвета индиго, тлеющие кости, черепа с горящими синим пустыми глазницами, рассыпанный прах и ручьи крови на полу, по прочерченному символу. Костёр для погибших душ. Маяк. Он созывал всех, кого мы когда-то убрали. Чтобы, напившись силы выплеска, ведьмы и колдуньи на одну ночь обрели материальные тела и прежнюю мощь.

Обойдётся.

Циклоп, прижав к груди порезанную руку, оскалился.

– Добрый вечер, Юрий Семёнович, – поздоровалась я привычно и ударила сгустком чёрного пламени.

Он попятился к стене, уклоняясь. Невзрачный, сутулый, лысый, увешанный амулетами. Но я и не такое ломала, пробиваясь к вожделенному сердцу. Я сжала кулаки. Скрежет, хруст... вспышка. Я выругалась, отшатнувшись к стене. Там, где только что стоял Циклоп, дымилось тёмное пятно. Удрал, сволочь... Менталист, а прыгать с места на место стараниями Ехидны научился, хотя у всех магов и ведьм есть только один профиль – и одна сфера силы. Но Ехидна освоила вторую сферу и шайку свою подучила, дрянь...

Я тряхнула головой, унимая злость, и посмотрела на пол, на ручьи крови. Ладно... Как бы далеко ты ни ускакал, Цик-

лоп, ты возьмешь с собой *меня* – своей тенью. Оставлять палачу столько полезного материала очень недальновидно. И – как же я не люблю свою работу...

Порывшись в сумке, я достала пару склянок и порошок. Осторожно собрала кровь, потушила костёр и уничтожила кости. Десять черепов – всего лишь десять из сорока... Кажется, не один костёр придётся тушить во избежание. Да, ещё и это... Я задумчиво посмотрела на чистый пол. А впрочем, есть и плюс. Я знала всех ушедших, а кости хранят информацию долго. Очень долго. Спасибо за ниточку, Циклоп. И – пора побеседовать?..

Удобно устроившись на полу у стены, я одним глотком осушила первую склянку с кровью. Вторую размазала по рукам и, пережав вену на левом локтевом сгибе, разожгла своё Пламя. Чёрный огонь холодком потёк по руке к ладони, заискрил, коснувшись чужой крови. Я пошевелила пальцами, ловя ощущение чужого кровотока, и добралась до сердца. Привычно сжала его в ладони и улыбнулась, расслабляясь.

Попался... Я ведь помню тебя, стоящего за спиной Ехидны, подхватывающего её, объятую ультрамариновым пламенем после создания портала в моё тело, ухмыляющегося... Жаль, я была слишком мала и напугана, чтобы *запомнить*. Но теперь ты никуда не денешься.

– И снова здравствуйте, Юрий Семёнович, – прошептала я.

Колдун, сидящий на диване где-то в городе, поперхнулся

зельем и настороженно огляделся. А вокруг – никого.

– Не там смотрите, – я невесомо провела свободной рукой по его позвоночнику, задевая нервные окончания.

Циклопа свернуло судорогами. Стакан с зельем покатился по полу, пачкая ковер жёлтым.

– Не сопротивляйтесь, – предупредила я сразу. – Просто расскажите. Кто ещё в городе из ваших. И где их искать. И где... Ехидна. Быстро и честно. И я *уйду*.

– Ты и так уйдешь, труп, – он улыбнулся сквозь боль. – И очень скоро. Времени почти не осталось.

– Очень жаль, – сухо отозвалась я, осмотрелась, выискивая слабые места, и приступила к работе.

Сначала Циклоп терпел. Выучка Ехидны – терпеть до последнего, она ведь была такой, как я. Но всему есть предел. А когда знаешь, что он находится в головном мозгу, который у колдунов «изнашивается» быстрее остальных частей тела и органов, если перекрыть потоки силы... Он захрипел, обхватив виски.

– Скажете, когда хватит, – предупредила я на всякий случай и взялась за сосуды.

Порвать – исцелить – порвать – исцелить – порвать... Заточенные до автоматизма действия, стена против чужой боли, равнодушное наблюдение за корчащимся телом и отстраненная оценка. В организме не хватает четырех литров крови, а на ритуал нужно минимум два. Значит, один костёр уже где-то горит и созывает на «бой». Внутренним органам – лет

сорок, колдуну – за двести. Стародавние ведьмы умели жить за счет других, выпивая чужую силу и продлевая свою жизнь, однако этот ритуал считается утерянным. Но меньше года назад в соседнем округе всплыла древняя ведьма, владевшая ритуалом. Не она ли научила? Но – неважно. Ведьмы уже нет, и...

– Хва...

О, десять минут продержался. Силён. Обычные колдуны и трёх не выдерживали – и те вечностью казались.

– Слушаю, – я привела его организм в порядок, добавив силы.

Циклоп тяжело сел, дико озираясь. Повязка с камнем следела с глаза, обнажив сшитые веки и сеть глубоких шрамов. Это не я, кстати. Это он Ехидну защищал в том памятном бою у холма. Но руку, изувечившую колдуна, я узнаю. Травму, нанесённую палачом, не вылечить ни зельями, ни чужим целительством. Только тот, кто нанёс рану, способен её вылечить. А нас всегда было очень мало, и, да, я знаю...

– Кто ещё в городе? Где второй костёр?

– В холмах, – он по-прежнему оглядывался, ссутулившись. – Найдёшь по костям. А здесь... – я предупредительно сжала его голову, и колдун дрогнул: – Химера здесь. Медуза.

– Кто ещё?

Он помедлил, поёжился и выплюнул:

– Сфинкс. Но тебе его не найти, – и выпрямился, улыбнулся щербато: – Не ищи во мне ничего. Мы знаем твои спо-

собности и держимся друг от друга на расстоянии. Кого по-мельче – вычислишь, а Сфинкс тебе не по зубам, девочка, – в единственном глазу появился лихорадочный блеск. – Не по зубам. Ты... маленькая. Откуда у тебя Пламя? – спросил вдруг требовательно. – Твой предел – слабый «уголь», ты слишком мала и для Пламени, и для его знаний. И это заклятье – для Верховных, не для обычных. Откуда?

Не ваше дело, уважаемый... Жить захочешь – рано повзрослеешь и чему угодно научишься.

– Но коли есть Пламя – хорошо, – Циклоп ухмыльнулся, и его лицо изрезали глубокие морщины. – Без Пламени она бы тебя сожгла. А теперь ты готова. Полностью. Она вернётся. И порвёт вашу систему вместе с вами. Знания, – добавил он назидательно, – были спрятаны, чтобы их нашли. Чтобы магия перестала быть тупым, ограниченным рамками ремеслом. Чтобы она стала искусством. Чтобы мы поднялись до уровня стародавних. Неужели ты не понимаешь таких простых вещей, палач?

Я не ответила. Я... отвлеклась. Неожиданно сильно защи-пало ожоги на предплечьях. Так, словно...

– Палач... – повторил колдун с сумасшедшей радостью. – Всегда в маске, чтобы скрывать лицо и не видеть чужую боль, не выпачкаться в крови. Но из-за неё ты не видишь дальше собственного носа. Не видишь простых вещей, – и рассмеялся сипло. – У тебя нет шансов, девочка. Нет, не было и не будет, – и, воровато оглядевшись, добавил шёпотом: – Ты

даже не понимаешь, как она близко к тебе! Не видишь рядом Сфи...

И не договорил. Случилось непредвиденное. Невидимая рука, схватив меня за шиворот, отшвырнула от колдуна, оторвало от его тени. Ожоги вспыхнули огнём, и меня вырвало чужой кровью. И связь порвалась. А когда, очнувшись и наспех вытершись, я схватилась за поисковый кристалл, стало поздно. Ожоги остыли, замерев в прежнем мелкоболезненном состоянии, а Циклоп был мертв. Растянулся на полу лицом вниз, в луже собственной крови, с разбитой головой. И это *ощущение* в комнате – знакомое ощущение присутствия той, что...

Я не медлила. На ходу сделав сразу несколько дел – вытершись и прикрыв иллюзией испачканное платье и неприятный запах, подобрав туфли и обувшись, – я выскочила из подвалов и побежала к ближайшей остановке. Циклоп далеко забрался, а ещё этот проклятый имидж с каблуками и боязнь высоты... Но нужно избавиться от тела и добыть камень. Хотя бы.

Автобус подошёл быстро. Сев на свободное место, я достала планшет и написала начальнику – где, что и как. И спросила: куда дели тела убитых из банды Ехидны? Почему их кости «вдруг» всплывают у бывших коллег? Как наблюдатели прошляпили украденный материал такой ценности?

Начальство, разумеется, с суровым и занятым видом промолчало, а я спрятала планшет и уставилась в окно. Сфинкс

уже здесь... Как они маскируются, с помощью чего прячутся?.. Я не знала. Циклоп прав: мы растеряли много нужных знаний, и я... маленькая. По сравнению с ними, добравшимися до части знаний стародавних и успешно их освоившими, — да, маленькая.

Сойдя на нужной остановке, я сразу отыскала дом. Старая хрущёвка, третий этаж, приоткрытая дверь слева. Уже стемнело, улицы опустели, и, снова разувшись, до подъезда я добралась бегом. Влетела на нужный этаж, ворвалась в квартиру, включила свет и деловито взялась за поиски. Камень, камешек... За диваном, под диваном, под ковром и на полу, в углах и под столом... Я обшарила каждый сантиметр пола, но амулет защитника пропал. Или я плохо ищу, или... кто-то меня опередил.

Я открыла окно, впуская в комнату свежий воздух, и задумчиво посмотрела на звёзды. Никаких следов живых, только от Циклопа... Но я руку даю на отсечение, что до меня здесь побывало одно юное сердечко — тот, кто наблюдал за мной исподтишка. Сферы силы связывают коллег друг с другом. Я не почувствую в городе колдовства, например, огненной ведьмы, но вот целительство учую за версту — за десять вёрст. Юное сердечко — телепорт. Выводы напрашиваются очевидные. Ощутил, прилетел проверить... ограбил. Меня.

Злость я задушила в зародыше — она на вопросы не ответит. Кто его прикрывает — кто стёр следы? Это под силу только опытной ведьме. Значит, пара. Сфинкс ли? Может быть.

Но точно не начальство – оно бы велело убраться и прихватить тело Циклопа с собой, для нужд науки. А тело на месте. И начальство будет в бешенстве.

Я отошла от окна, открыла шкаф и зарылась в вещи колдуна, перебирая рубашки, ремни, носки и амулеты – ведь почувдилась же Ехидна, значит... И руки искали одно, а сила – другое. Но юного сердечка или нет в городе и области – а дальше я не дотягиваюсь, или его спрятали. Конкуренты. А кто у нас конкурент? Во-первых, последователи Ехидны. А во-вторых, Круг ведьм. Заклинатели всегда жили особняком – своя община, своя команда: с кем хотят, с тем и работают. Они считают своим долгом усмирение нечисти и абсолютно равнодушны к тайнам стародавних. А вот ведьмы и Круг...

Закрыв шкаф, я методично распотрошила чемодан. А вот ведьмы всегда мечтали добраться до знаний стародавних. Кто-то открыто – и примкнул к Ехидне, а кто-то – тайно. Даже я, знающая об опасности большинства знаний, мечтала. Однако я знала и о расплате, и она останавливала. А ведьмы Круга всегда знали меньше наблюдателей даже о собственном «наследстве». Но, надеюсь, мозги у них на месте, и Круг не ударит мне в спину...

Чье же ты, «сердечко»? Ехидны или Круга?

В сумке, как и в шкафу, ничего интересного не нашлось, и я присела около Циклопа. Кровь, потемнев, уже впиталась в ковер. Туфли, рубашка, брюки, ремень... Стянув последний, я посмотрела на пряжку и невольно поморщилась. По

пальцам пробежались судороги, и снова заняли ожоги. Я выругалась про себя... и на себя. Похоже, Ехидна находилась в Циклопе – он был ею одержим, а я не поняла... И верно, не вижу дальше собственного носа... А теперь она ушла. К кому?.. Других имён он не назвал, и я никого постороннего в городе не ощущала.

Я снова изучила пряжку. Змеились, переплетаясь, линии, чернели глаза крошечных гранатов. Похоже, опять придётся писать любимому мужчине и говорить, что он мне нужен... Что значит этот символ, я не знала, и интуиция подсказывала, что в наблюдательских архивах о нём ничего нет. Но сфотографирую его и попрошу поискать. Не найдут сведений – так пусть подумают и придумают.

Убравшись и избавившись от тела, я вышла на улицу. Городской транспорт заканчивал ходить часов в десять вечера, и домой я отправилась пешком. Заодно проверила жителей – прощупала бегло на предмет странности, и неожиданно искомое обнаружила. Местная достопримечательность – любимая баба Зина – исчезла. Ни в городе, ни в области её не было. И меня затерзали смутные сомнения, связанные с неким юным сердечком, также отсутствующим.

Я нахмурилась, вспоминая биоритмы «сердечка» и бабы Зины, прослеживая кровотоки. И, не выдержав, села на скамейку у автобусной остановки, достала ручку и блокнот и при скудном освещении уличного фонаря взялась рисовать. Сначала – «сердечко», потом – баба Зина, а после сравнить

и... Они родственники. Бабка – прабабка и внук – правнук. Стало быть, и баба Зина...

Неожиданно подъехал, еле перекатываясь с колеса на колесо и возмущённо скрежеща, припозднившийся автобус. Спрятав схемы в сумку, я зашла в салон, поздоровалась с недовольным кондуктором, оплатила проезд и села у окна. Ехать-то – пять остановок, но я устала. Когда меня отбросило от Циклопа, на адреналине поскакала за амулетом, а сейчас усталость брала своё, и мелко дрожали руки, и тяжелеело тело. Выспаться бы, включить «восстановительный» сон, но...

Я опять достала схемы.

Колдовской дар среди обычных людей не появляется. Точка. Только передаётся по наследству. Однако после вековых гонений осталось много волшебных родов – потухших и погасших. В потухших рождаются... необычные люди. Колдовского дара не имеют, но живут дольше других, обладают отменным здоровьем и в любой момент способны родить мага или ведьму. Баба Зина под это описание в принципе подпадает... но её тридцатилетняя печень меня смущает до крайности. Даже если она из погасших, при такой внешности её организму должно быть лет пятьдесят, не меньше.

А если потухший род за тринадцать поколений не производит мага, он считается погасшим, раз и навсегда теряя прежние качества. И это явно не случай бабы Зины. Может быть, она от Ехидны. А может, круговая и замаскированная.

И, как и я, охотится за защитниками. Да, самое время написать любимому мужчине: пусть пробьёт, кого из круговых не хватает собственно в Кругу. И надо было – надо! – заняться этим раньше, но я так хотела после безумных лет погони пожить в покое...

Я достала планшет, настрочила письмо и, заметив свою остановку, попросила кондуктора притормозить. Вышла из автобуса, побрела к дому в ожидании информации, а муж вдруг позвонил. Хотя нельзя. Я ж законспирирована, и мало ли вокруг чужих глаз и ушей... Но трубку, поколебавшись, сняла.

– Как ты? – спросил он просто и без приветствия.

– Никак, – ответила я тихо. Сил на притворство не осталось.

Муж помолчал, пощёлкал мышкой и перешёл к делу:

– Мы проверили – в Кругу действительно есть некая Зинаида Петровна Марченко, огненная ведьма, светлая и боевая, входит в Совет и приближена к Верховной. Еще не «рука», но первая в очереди на должность правой. Возраст – сто пять лет. По легенде сейчас она лечится на водах после стычки с нечистью. Время точного отсутствия сказать не могу – она то появляется на несколько дней в Кругу, то улетает лечиться. Сейчас она в Кругу.

Да-да, на водах... Я хмыкнула. На моих лекарствах то есть. Дело за малым: отловить и прижать.

– Теперь останки, – продолжал он деловито. – После до-

просов все приспешники Ехидны были захоронены на общем ведьмовском кладбище. Захоронены, запечатаны защитой... Упустили – это тебе Павел Сергеевич передаёт. Предполагал бы, говорит, такое, ещё бы охрану поставил... но не помогла бы, – добавил уже от себя. – Мы им по силе и знаниям не ровня. Только у тебя есть шансы достать их через боль.

Да, только у меня и только через боль... И стало зябко. И страшно. На мне – и Ехидна, и её шайка с защитниками, и баба Зина со своим пацаном, и чёрт знает, что ещё всплывёт. И умирать – страшно, и не справиться – тоже... Можно было бы выбрать... если бы было, из чего выбирать.

– А вот символ интересный, – вещал меж тем мой собеседник, и от его низкого спокойного голоса мне тоже становилось спокойнее. Не одна. – В архивах такого нет, но Таня, наш эксперт, считает, что он – наследие стародавших, что-то вроде печати... – запнулся, подбирая слова, и сказал прямо: – Вроде твоих ожогов. Печать владения. Или принадлежности. И пообещала разобраться в том, как он работает, какую силу излучает и можно ли его засечь.

От слова «принадлежности» я невольно вздрогнула, но от правды не отворачиваются, даже от такой. Да, по сути, я принадлежу Ехидне. И у меня осталось меньше десяти дней, чтобы или сорвать печать и прижать гадину, или... Или мне уже будет всё равно, что происходит в этом мире и куда он стараниями Ехидны покатится.

– Нашла ещё кого-нибудь?

– Нет, – призналась я нервно. – Они не находятся. Фактически я случайно на них натыкаюсь. И не могу понять, как маскируются... Как баба Зина замаскировалась?

Муж хмыкнул:

– Недоучка... Меньше надо было с мальчиками гулять и больше учиться. Внутренняя иллюзия с отводом глаз, только и всего. Завязана на амулет или на цепочку амулетов. Ты *не видишь* в ней силу. И носители защитников, думаю, прячутся подобным же образом. Какой-нибудь амулет с апгрейдом от стародавних. Мы ищем к нему ключи и найдём.

Я улыбнулась. Никогда не упустит случая напомнить, что я поздно его заметила – только когда мы попали в одну группу по работе с приспешниками Ехидны... И я действительно пропускала мелкую теорию, зная, *что* мне предстоит, и стараясь взять от жизни всё, пока я принадлежу сама себе. Пока у меня есть моя жизнь. И сила, которую мне прикрыли серьёзнее простого отвода глаз. Даже нечисть её без явной наводки не почует, а что почует, то будет очень слабым, настоящим, но не представляющим угрозы.

От воспоминаний стало тепло и приятно. И почти прошёл страх. Почти. Опять и снова – почти.

– Ты справишься, – добавил он уверенно, но очень тихо. – Мы найдем к ним ключи, и ты справишься, слышишь?

Я прикрыла трубку ладонью, отвернулась и неприлично хлопнула носом. И только потом поддакнула: дескать, угу.

– Будет новая информация – напишу, – пообещал муж. –

Держись, – и отключился, не прощаясь.

Держись... Было бы, за что. Когда-то я верила – очень верила, – что справлюсь. А теперь осталось только отчаяние. И сумасшедшее упрямство. И тупое животное желание выжить. Избавиться от печати принадлежности, обязанностей палача и уехать из этого проклятого места. Меня ведь так ждут дома... С победой или с провалом, со щитом или на щите – неважно... Просто ждут.

Живой.

Глава 5

Магия – не наука, не искусство и не религия.

Магия – это ремесло.

Занимаясь ею, мы не молимся и не загадываем желаний.

Чтобы произвести в мире одну из специфических перемен, мы применяем волю, знание и умение.

Лев Гроссман «Волшебники»

Утро началось с проверки на профпригодность – моей и беса. Я убила три часа на поисковую медитацию, но две вещи нашла – костёр для погибших душ в Долине смерти и некие старые кости в походном рюкзаке вновь прибывшего. Онный возле костей не ощущался, как и нового биения сердца я не услышала, лишь поймала слабые остаточные биоритмы от вещей – новые и незнакомые. Поэтому взялась за беса.

Он проснулся с удовольствием. Долго тянулся, катался по кухонному ковровину и старательно его драл. Я понаблюдала за ним, пока завтракала, и заметила:

– Ты же бес, а не кот. Веди себя, как положено.

– Если бы я вёл себя, как положено, мы бы с тобой не разговаривали, – оскалилась нечисть. – Кого искать?

Восемь вещей, исключив «отработанных» Химеру и Медузу, я загодя разложила на полу, но «кот», обойдя их, лишь раздражённо сморщился:

– Нет. Никого из этих нет.

– А новых?

Бес вскочил на подоконник, высунулся в открытое окно и долго-долго нюхал воздух. А потом обернулся:

– Нечисть осталась только в холмах. Людей не чую.

Я задумчиво глотнула кофе и уточнила:

– А что именно ты чуешь? Кровь? Или силу?

– Силу. И чем её больше – тем лучше чую. А с кровью на месте разбираюсь, – и снова оскалился.

– Тогда скажи, друг мой, – я осторожно подбирала слова, – как от тебя можно спрятать силу? Я знаю, что новый человек в городе точно есть, но не могу его найти – не слышу новое сердце. И ты не чувствуешь силу, хотя в этом конкретном персонаже её должно быть с избытком. Есть ли способ спрятаться даже от тебя?

Бес поскрёб за ухом задней лапой, повернулся и посмотрел в упор:

– А каковы твои возможности, ведьма? Ты слышишь новых, а если серьёзно проверить каждого? Сколько времени на город? И хватит ли тебя?

Я прикинула:

– Если серьёзно и каждого, считывая и запоминая биоритмы... Недели две-три. Но обычно мне хватает звучания сердца и недели.

– А если оно не бьётся?

Теперь я посмотрела на него в упор:

– Что ты хочешь этим сказать?

И замолчала, наконец сообразив. Они же знают особенности моей силы, и первое, что спрячут, это биение сердца. А его можно скрыть только двумя способами – временной остановкой или анабиозным замедлением. Я ведь не услышу новое сердце случайно, только если ищу целенаправленно, и на короткие промежутки – на час-два – можно просыпаться и смело ходить в любой личине, даже у меня под носом. И так же скрывается сила. Я же живой человек, а не механический радар, настроенный на определённую частоту, не спящий, не устающий...

– Спячка? – спросила я резко. – Но как она возможна без целителя? Только мы умеем так работать с организмом.

– А откуда твои знания и умения, ведьма? – бес склонил голову набок. – От стародавших. Огрызки, но из прошлого.

Всё. Я поняла. Отставив чашку, я подошла к «коту» и от избытка благодарности почесала его за ухом. Он из вежливости и для полноты образа сипло заурчал.

– Не хочешь прогуляться? – улыбнулась ему. – На пару часов. Но никаких искушений, болезней и явлений людям. Тихо, подворотнями и кустами. И нечисть местную не тронь.

– Само собой, поймёшь же, – фыркнул бес и сиганул в окно, только хвосты мелькнули в яблоневетях.

Я обернулась на склянку и нащупала в кармане халата пробку. Не вернётся – верну. Пропитался зельем так, что никуда не денется и будет вести себя смирно. А я пока займусь

делом.

Перенеся вещи в гостиную и открыв походный сундук, я зарылась в амулеты и заготовки. Есть два варианта: или они спят полумёртвым сном, иногда просыпаясь, или... умеют делать то же, что и Ехидна – подсеяться второй душой к человеку, подобно нечисти, и смотреть его глазами. И хранить в своём теле искру жизни.

Как? Не знаю. О тонкостях одержимости наши сказки молчат. Но одно знаю точно – изменения в сердечном ритме будут минимальными, и я могу их не заметить. И если бы не ожоги Ехидны и её безмолвное присутствие за спиной, я бы этим предположениям не поверила. Но с некоторых пор я верю очень многому. Даже тому, что колдуны и ведьмы – по сути своей люди – способны уподобляться высшей нечисти.

Разложив на полу заготовки для амулетов кругом, я села в центр, закатала рукав, собралась с мыслями и пережала вену на левом локтевом сгибе. Чёрное пламя, помедлив, привычно охватило локоть, потекло по коже к пальцам.

Пламя – это коллективная память Верховных, древнее хранилище знаний. Но моё – слабое, молчаливое. По-настоящему сильное Пламя горит лишь у тех, кто с ним рождается или получает в наследство в артефакте Верховной Круга. Я же своё выстрадала и разожгла сама из скромного «угля» первичной силы. И много раз пыталась с ним «поговорить» – возможность беседовать с умершими родными была ещё и частью древнего дара палача, – но Пламя молчало. А

теперь...

Теперь время для разговоров кончилось. Пришло время допросов.

Пламя приятно покалывало пальцы, обтягивало руку тепловой и плотной перчаткой, пульсирующим клубком собиралось в левой ладони. Я накрыла его правой ладонью и сосредоточилась на вопросе. Некогда ведьмы умели создавать маяки не только для обнаружения тёмного колдовства, но и для нахождения человека – и для нахождения определённого человека в конкретном состоянии. Я знаю, как будут биться сердца... хотя бы восьмерых из шайки в изменённом состоянии. Просчитаю ритмы сна, анабиоза, полусмерти. И найду. И остальных по тем же признакам – тоже, как только обнаружу зацепки. Но нужны маяки. На каждого.

Раздраженно полыхнув, Пламя обожгло руки, но я стерпела. Первый признак того, что я... маленькая. Не для меня знания, да, не доросла, но... Говори!.. Пламя задрожало, заискрило недовольно, и перед моими глазами всё поплыло. Мир смазывался, тускнел, терялся. Уши заложило до полной глухоты, тело онемело, и лишь руки ещё ощущали. Колючие искры, огонь по венам и странный холод в запястьях. Я терпеливо зажмурилась и сжала губы. Не отступлюсь же, пока не скажешь... Не сдамся. Говори!

Мир потемнел, лишь мои руки горели тусклым, серебристо-чёрным огнём. Моё дыхание стало коротким и тяжёлым, в груди заклокотали хрипы, запястья свело судорогами, боль

ломала и выкручивала левую руку. И, инстинктивно сжав ладонью локоть, я скорее поняла, чем почувствовала, что Пламя стало... материальным. Собравшись в комок, оно наполняло ладонь привычной пульсирующей тяжестью... точно чужое сердце. И я привычно же сжала его в кулаке. Говори... Мне нужно знать...

Говори!

И во тьме сверкнуло серебро второго Пламени – настоящего, природного. Чужого. Сквозь мрак на меня в упор посмотрели незнакомые глаза, и тихий голос прокаркал:

– *Как ты осмелилась*, глупая девчонка, пытаться собственное Пламя? Сгореть хочешь? Без силы навсегда остаться?

Не захотело по-хорошему – стало по-моему... И я устало проговорила, не слыша себя:

– Иначе не получается. Договариваться с палачом никто не хочет. Изначально не хочет. И вам ли этого не знать?

Мрак расступился, являя фигуру – высокую, сухую, величавую. Тьма струилась одеянием, закрывая тело и лицо, лишь глаза горели серебристо-белым огнем. На секунду в них задержалось надменно-гневное осуждение, а потом они прищурились понимающе:

– Да, ты права. Это наше проклятье. Древний страх расплаты сильнее разумных мыслей, и это уже в крови. Даже у нас. Отпусти Пламя. Отпусти. Я пришла и помогу. Отпусти. Не то соришь.

Я расслабилась, но своих движений опять не почувство-

вала, лишь заметила, как снова потекло по руке Пламя, легко и свободно. Озаряя пришедшую, заготовки для амулетов на полу... на старом деревянном полу. И крошечную каморку с прокопченной кладкой очага, самодельной мебелью, оплывшей свечой на кособоком, грубо обработанном столе, и связками трав, свисающих с потолка.

– Я помогу, – повторила ведьма. – Сделаем вместе. Смотри. Слушай. Учись.

В сухих узловатых руках оказался шарф Гарпии, и ведьма тихо запела. Её Пламя вспыхнуло ярче, пропитывая шарф, и она по одной вытянула из него несколько дрожащих нежно-голубых нитей. Да, Гарпия – воздух... Подняла с пола заготовку и, не прерывая пения, оплела ими бляху, и искры Пламени побежали по её поверхности, вваривая нити в металл, выплетая незнакомый символ, вспыхивая мелкими голубыми звёздами.

– Повторяй, – велела она, и я послушно нащупала туфлю Морфея.

Хватит ли силы моего Пламени для такого?... Хватило. Ведьма пела, я повторяла, и готовые амулеты ложились рядом один за другим, восемь штук. Хотя бы половину шайки теперь точно прижму. И, если верить Химере, из них пятеро – носители защитников. И то хлеб. Крайне нужный.

– Ты всё делаешь правильно, – ведьма вдруг присела напротив меня, и ее немигающие глаза посмотрели в мои. – Всё правильно. Не жалею. Когда мы создавали закладки знаний,

то не представляли, как спустя века изменится наш мир. И как изменятся ведьмы. То, что питало основы нашего мира и поддерживало его в равновесии, ваш мир разрушит.

Я молча кивнула. И решилась спросить, сформулировав вопрос, но...

– Остальные найдутся сами. Ты поймешь. Вы повязаны. Они у тебя в памяти. И в крови. Нет случайности в ваших встречах, – ответила она на мой молчаливый вопрос. – Все, кто был на ритуале, давно в тебе. Ей не хватало силы для сотворения оков, – и сухая рука легко коснулась ожога, – и она тянула её из своих последователей. Крупицы их силы – здесь, – и сжала мой локоть. – Тебе надо лишь научиться *понимать*. Оковы чувствуют своих создателей. И ты научишься их чувствовать.

– Спасибо, – поблагодарила тихо.

– Не трогай Пламя, – ведьма встала. – Не пытай. Сейчас повезло – докричалась, а в другой раз мы можем и не услышать. Я буду помогать иногда, – и улыбнулась. – Ты – моё продолжение, а ведьмы всегда защитят своих. Даже после смерти. В этом – сила дара палача. И ради этого, – пришелица прикрыла глаза, – когда-то я сделала... то, что сделала. Подписала договор с наблюдателями. Из-за права на жизнь и сохранения дара. Тебе тяжело, но ты будешь жить. И твои дети. И дети твоих детей. И однажды род наберёт такую силу, что его уже никто не сможет уничтожить или посадить на цепь.

Я кивнула. Да, я сразу поняла, кто пришел. И – да, тем и силён род, но...

– Есть ли смысл помогать, если... – я запнулась. – Я же не последняя.

– Есть, – ведьма улыбнулась. – Ты – *наша*. Ты – мать юного палача, а кто ещё передаст потомкам опыт? И у тебя будет вторая девочка. Природная Верховная. Будет, не сомневайся. Ты всё делаешь правильно. Горжусь. А ты верь. Ради детей.

Я снова кивнула. В горле застрял сухой комок. О детях я тоже старалась не вспоминать, но прародительница права. Наш род – и прошлый, и настоящий, и будущий – наша сила. Истинная сила.

Пришелица отступила, прячась во мраке, её Пламя потухло, но сквозь густую тьму я услышала последнее:

– Символ на пряжке – это ключ. Ключ к твоим оковам. Пойми, как он работает, и сможешь освободиться.

И ушла. А я тряхнула головой и заморгала от резанувшего по глазам света. Весеннее солнце приветливо заглядывало в открытое окно, а на полу, среди горы помятых и обгорелых вещей, лежало восемь готовых амулетов. И отвратительно несло палёным. И соседи на балконах опять голосили про «сколько ж можно, Маргарита Владимировна!...» Мир обретал знакомые черты и становился прежним.

Я с трудом встала и поприседала, разминая затекшие мышцы ног. Прищурилась на солнце,правила халат и сно-

ва полезла в походный сундук. Там, на самом дне, хранилось то, что мне с собой брать было нельзя, но я не удержалась. Цветная фотография, две улыбочивые мордашки – сын и дочка, здесь, на снимке, ещё маленькие. Мы с начальством сделали всё возможное и невозможное, чтобы в случае моего провала до них не добрались. И даже думать о них мне нельзя. Доступ к моему сознанию и памяти перекрыли хорошо, но прихвостни Ехидны и не такое ломали.

Снова спрятав фотографию, я села на ковёр и с головой ушла в медитацию. Прочь ненужные мысли и опасные воспоминания, и только дело, и я – городской экстрасенс, который строит из себя тёмную ведьму, причём весьма слабую, молодую, глупую и неопытную... А после – ещё одно дело. Но сначала – поесть, да.

За перекусом я построила графики работы организмов вообще и сердца в частности для бабы Зины и моего юного преследователя. Точно родственники. И вряд ли будут прятаться в анабиозе, а значит, для их поиска подойдут и обычные маяки. Выйдя на балкон и убедившись в отсутствии соседей, я сдула с ладони пригоршню чёрных шаров. Подхваченные ветром, они разлетелись по городу. И – ещё одно дело.

Бес вернулся, когда я заканчивала собирать амулеты в пояс. Скользнул с балкона в гостиную, довольный, разжиревший и медлительный, лениво доковылял до меня и плюхнулся на ковёр. Посмотрел на амулеты, принялся и сипло проговорил:

– Давно не видывал. Забытое умение.

– Нашёл что-нибудь интересное? – я проигнорировала намёк.

– Смотря что считать интересным, – он зачем-то начал вылизывать переднюю лапу.

– Цену набиваешь?

Нечисть оскалилась, показав жёлтые зубы:

– Сходи ближе к ночи на первое городское кладбище.

Я напряглась. Конечно, ведь до выплеска – всего ничего. Ещё день-другой предвестники точно будут появляться.

– Спасибо за наводку.

– Спасибо за прогулку, – бес сел. – Я готов.

Я закрыла крышку его «камеры» и спрятала склянку в походный сундук. Посмотрела на часы и решила, что до «ближе к ночи» поброжу у больницы. Попробую провернуть одно важное дело. И вернусь в обычный мир. К жизни, к людям... к своим планам на будущее, которые робко, но напоминали о себе. И о том, что я не труп. Пока. Прародительница же заметила... а мёртвым виднее.

Переодевшись и застегнув на талии пояс, я еще с полчасика проверяла настройку всех необходимых амулетов. Когда выходишь из образа и напряжённо размышляешь о постороннем и болезненном, они расстраиваются и фонят, объясняя всем и каждому, какая у меня защита, где находится и что скрывает. Но два часа медитаций – и всё в норме. И я невольно подумала, что если Сфинкс где-то рядом, то и моя

личность, несмотря на защиту, уже не секрет, и прятаться остается только от Круга да излишне любопытной нечисти.

Но – может, и к лучшему. Меньше будет соплей при встрече и больше сведений. Даже двухсотлетние – не железные, и если знают, что за ними вот-вот придёт палач, если знают, что палач в городе, а их – тех, кто без амулетов защитников, – солют или принесут в жертву... Картина получается интересной.

...а если Сфинкс где-то рядом, то ближе к ночи и ночью займусь не только предвестниками. Но и соседями. А пока – больница. И её персонал с пациентами. Проверить не помешает. Мне так крупно не повезло на заре жизни – попасть под руку Ехидне, – что должно повезти по мелочи сейчас, когда появился шанс от неё избавиться. А в долги судьбы и прочие бумеранги я всегда верила. Фактически я ими работала.

Моя наставница однажды заметила: когда ты начинаешь верить в то, что с тобой ничего не случится, ты пропал – оно уже случилось. Хорошее или плохое – зависит от поступка, бумеранг породившего. Я старалась верить в хорошее. Ибо без силы веры моё предприятие не имело никакого смысла. Как и борьба за собственную жизнь.

Вечер полз по тенистым улицам сиреневыми сумерками, город нежился в майской прохладе. Я неспешно шла в знакомом направлении и интуитивно прислушивалась к своему состоянию. Есть не хочу. Спать – тоже. Обычно пытки изма-

тывали и морально, и физически, а вот «разговор» с Пламенем, наоборот, придал сил. Я ощущала себя бодрой... и отдохнувшей. Готовой к подвигам. Наставница говорила, что обычно Верховные после беседы с Пламенем опустошены и лежат пластом, а я... Похоже, выжала его скрытую силу и забрала себе. Теоретически палачи умели проделывать такое и с «клиентами», но это знание запретное, потерянное... И, кажется, случайно освоенное. Очень вовремя.

Больница встретила тишиной, тусклыми окнами, зажжёнными оранжевыми фонарями и шёпотом ветра в заросшем парке. Присев на скамейку у ворот, я закрыла глаза, прислушиваясь к многоголосью человеческих сердец. Больные люди всегда возвращали мне веру в будущее и собственные силы. Они решительно ничего не могли поделать со своими болезнями и травмами, только терпеть и ждать. А вот я могла. И, проверив состояние коллег и их пациентов, нашла лишь два нарушения. И по обоим обращаться в одном направлении.

Встав, я обошла хирургический корпус. Стёпа, взъерошенный и злой, сидел на крыльце запасного выхода, и отчаянно дымил сигаретой. Третьей подряд. На разбитых, поросшей травой ступенях, валялась горка «бычков». Однако допёк его очередной «сложный» пациент... и я даже знаю, кто именно.

Бесшумно подойдя со спины, я дождалась его выдоха, и резко «выбила» из лёгких остаточный дым. Коллега, закаш-

лявшись, уткнулся лицом в колени.

– Стёп, курить бросишь, – предупредила я.

– Не смей лишать святого, – просипел он, выпрямляясь. – Не мешай саморазрушаться. Не имеешь права.

– Вообще-то имею, – я подобрала юбку и села рядом. – В какой философии спаситель становится ответственным за жизнь спасённого?

– Какая разница? – недовольно фыркнул Стёпка. – Но точно не в русской. А мы, напоминая, в России и...

– ...иди ты со своими спасениями в лес, не мешай рефлексировать? – я усмехнулась. – Что случилось?

Его рука предательски потянулась к карману джинсов, но под моим многозначительным взглядом лишь одёрнула халат. Помолчав, он хмуро пояснил:

– Меня считают экстрасенсом. Посмотрел на больного, пощупал бок – всё, выдавай правильный диагноз. И целителем, представляешь? «Доктор, вы мне таблеточку дайте, и я пойду, а то ночь уже, а у меня футбол сегодня...», – передразнил пискляво и сердито. – Чего ухмыляешься? Весело, думаешь, нам с лабораторией-одно-название и с таким аппаратом УЗИ, которому пора в музей древностей? Я не могу поставить окончательный диагноз без...

– Можешь, – перебила я мягко. – У тебя сумасшедшая интуиция, не говоря уж об большом опыте. Можешь. И наверняка поставил.

– «Как считает моя интуиция...» в медкарту не впи-

шесть, – заметил Стёпа назидательно и щёлкнул зажигалкой. Просто так. Нервно.

– «Как считает местная ведьма...» – тоже, – отозвалась я в тон ему. – Хочешь, поставлю диагноз? Легко. И подтверждаю твой. Надо? У твоего больного шалит печень, ибо футбол и пиво, пиво и футбол... Когда его заберут в областной центр? Через час? Вот и расслабься. Напишешь обычное «первичный осмотр показал...». Но вообще я по другому делу.

– По какому? – уточнил он без энтузиазма.

– Мне не нравится состояние Виктора Петровича.

Стёпа выпрямился, и мне явственно послышался шорох страниц – коллега «листал» медкарты, вспоминая кто это и с чем поступил. В унисон с его «поисками» из кустов заголосила одинокая ночная пичуга.

– Перелом ключицы? – переспросил через минуту. – А в чём дело? Я его выписывать собрался.

– Дело не в переломе, – я поёрзала, расправляя складки юбки. – Вернее... Это третья серьезная травма за год: зимой – палец, через месяц – голеностоп, а теперь ключица. Это ненормально.

– А откуда ты... А-а-а, ну да. Магия, – хмыкнул он. – Да, ненормально. Мужик живёт один...

– Мужик не хочет жить, – поправила я. – У него гаснет искра жизни. Такие даже руки на себя по-человечески наложить не могут. То на мыле поскользнутся и палец сломают, а соседи услышат и скорую вызовут, то... И нет, я не шучу.

Такими вещами не шутят. Он знает о выписке и готовится. Поверь мне.

– А я что могу сделать? – Стёпа нахмурился. – Только к психологу отправить или...

– ...к Анатолию Михайловичу, – я достала из сумки блокнот с ручкой и рассеянно прислушалась к слабому биению нужного сердца, проследила кровотоки. – Пусть ему свою знаменитую экскурсию со спиртом организует перед выпиской, глядишь, первичный интерес к жизни проснётся, пока...

– Пока? – коллега засмеялся. – Выводы из личного опыта? А то...

– Смотри, – я нарисовала в блокноте точку. – Это наш Виктор Петрович, а это, – и от точки пошли стрелочки, – его сестра и племянник. Сестра живет в Норильске, племянник учится в Питере. Других родных нет, а этим двоим – хотя бы сестре – позвонить бы. Когда-то они рассорились из-за родительского наследства, но так давно, что уже простили друг друга, да гордые слишком, никто первым извиняться не хочет, – я прищурилась на простенькую схему, и сквозь плотный клетчатый лист увидела – канал... дом и адрес. И записала. – Нет, лучше с племянником связаться. Это адрес его университета. И еще ФИО, – дописала. – Займёшься? Нам нельзя вмешиваться в дела людей... обычно.

Да и некогда.

Стёпа смотрел на меня как на аппарат УЗИ новейшего по-

колени.

– Кровь – лучший проводник, – я вырвала лист из блокнота, – хочешь про свою родню узнать? Особенно про ту, из-за которой ты здесь прозябаешь?

Он скривился:

– Не напоминай... – и покосился недоверчиво: – Ты и об этом знаешь?

– Тётя, – я пожала плечами. – Неродная, то есть жена дяди, а тот – старший брат твоего отца. Своих детей у них нет, ты – единственный, потомственный медик, значит, тебе и семейное дело передавать. А тебе это дело нужно, как собаке пятая нога. Должность всучить хотела? А ты отказался от тёплого министерского кресла, послал её на хрен, вернее матом, и сбежал в тайгу. Делать то, что умеешь и любишь. Даже без лабораторий и УЗИ. И поступил абсолютно правильно.

Теперь коллега смотрел на меня как на инопланетный томограф. И я решила закончить, раз уж начала:

– Прости её. Тётю, – уточнила, а мой собеседник снова скривился, как от зубной боли. – Она, конечно, плохо поступила, закрыв перед тобой все двери и оставив без работы, но у неё... серьёзная онкология. А люди, которые в курсе, сколько дней им отведено, невыносимы. Не знал? Ну вот... Прости её. Родня всегда хочет, как лучше. А ты всё равно вернешься обратно. И довольно скоро. Адрес возьми, – и сунула сложенный листок в карман его халата. – И позвони. Или медсестрам поручи разыскать парня. Спасёшь очеред-

ную жизнь. Доброй ночи.

Но уйти не успела.

– Мар, ты явно хочешь от меня отделаться, только повод найти не можешь, – протянул Стёпа с крыльца и полез за сигаретами.

Не могу, призналась про себя. Думала, этот сработает, но...

– А что ты делаешь сегодня ночью? – прозвучало асексуально и по-деловому.

– А у тебя всё равно дежурство до утра, – возразила я неубедительно.

– А ты знаешь, спокойное оно будет или с очередным сталкером, – улыбнулся он вкрадчиво.

Я не нашлась с ответом. Опыта в отшивании наглецов и нахалов я имела крайне мало и отчасти из-за этого однажды обнаружила себя замужем. Обычно все, с кем я желала общаться, драпали от меня без причин и поводов. И я со вздохом повторила:

– Доброй ночи, Стёп, – и устремилась прочь от больницы.

Но коллега не отстал. Догнал, небрежно бросил докуренную сигарету на тропу и пошёл рядом, сунув руки в карманы халата.

– Мар, а ты что здесь делаешь? В этой дыре? Ищешь кого-то? Или что-то?

– Стёп...

– А давай завтра сгоняем в Долину смерти? Местные го-

воят, туда лучше ходить компанией, и я всё ждал подходящего...

– Исключено.

– Каждый раз, когда ты так говоришь, случается по-моему, – он ухмыльнулся.

– В долине... – нудно начала я, но вовремя прикусила язык. Скажу «опасно» – рванёт один. Или так достанет...

– Между прочим, там могут быть те, кого ты ищешь, – заметил Стёпа. – Ты ведь не нечисть гонять приехала, верно? И так оживилась, когда я рассказал про того деда, с повязкой. Но раз вместо поисков ты торчишь здесь, то не можешь никого найти. А если их нет в городе...

...и подземелья кончились...

Дальше я его рассуждения не слушала. Меня как под дых ударило – собственной глупостью. Когда привыкаешь, что за тебя всю грязную работу делают другие, невозможно тупеешь. Невозможно и непозволительно. Конечно же, я могу проверить только город, мои силы небезграничны, а за городом – и тайга, и холмы, и два небольших села... И один внутренний голос безапелляционно требовал послать коллегу – дежурить, но второй предательски шептал: он же с транспортом и готов к подвигам, а я и без первого, и без второго.

– Стёп, – сказала я проникновенно, – я тебя обожаю. Ты чудо.

– Так пойдем? – оживился он.

– Я подумаю об этом... завтра, – открестилась неловко,

внутренне смиряясь с неизбежным.

Почти. Теоретически и «скорпиошку» можно пристроить к делу, она тоже с транспортом... Но с коллегой приятнее. Люди мне нравились больше нечисти. У них болевых точек больше... и боли больше. И не всякая моя магия на нечисть действует.

Мы остановились у ворот, и я, оглядываясь, прислушалась к ощущениям. Что бы ни обитало на городском кладбище, опасным оно не было. Волн тьмы, как от нечисти или перерождённой, я не ощущала. В общем...

– Кладбище, – догадался Стёпа, проследив за моим взглядом.

Городок маленький, и все необходимые для жизнедеятельности объекты соцкультбыта – вокзал, гостиница, кафе-бар, больница и кладбище, именно в таком порядке, – находились по соседству.

В общем, сказка, да. И на небесах мне это невольное доброе дело, надеюсь, зачтётся.

Я достала сотовый и посмотрела на часы.

– Через полчаса у тебя обход, да? Потом приходи на первое городское со спокойной совестью.

– Мар, – коллега скопировал мою проникновенную интонацию, – обожаю тебя. Ты чудо.

– Скажешь мне это ещё раз, когда упырь будет доедать твою руку, а у меня не получится, как в прошлый раз, с исцелением, – я любезно улыбнулась.

– Упырей не существует, – весело возразил Стёпа.

– Тех, которых в кино показывают, – нет, – согласилась я и тихо добавила: – И ведьм, способных читать мысли, исцелять умирающего за минуту и находить на другом краю мира потерянных родственников, тоже. Правда?

Он нахмурился. Задумался.

– Не придёшь – не обижусь, – я подмигнула и пошла к кладбищу, спиной ощущая внимательный взгляд. – Но если что – буду в центре.

Хоть бы наконец понял, балбес малолетний...

– Мар, а какие они – упыри из вашего мира?

Понял. Но не то.

– Повезёт – увидишь, не повезёт – почувствуешь... – про-
бормотала я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.